

ЭТО

МОИ

18+

МегаМегафон
Это не КОНЕЦ

«Автор»

2026

МегаМегафон

Это не КОНЕЦ / МегаМегафон — «Автор», 2026

«Это не конец» Она оказалась за решёткой. Он — по другую сторону её новой жизни. Между ними слишком много тайн, боли и запретов. Но что произойдёт, когда ненависть начнёт превращаться в нечто большее? Она думала, что это конец её истории. Но всё только начинается

© МегаМегафон, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Это не конец	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 12	45
Глава 13	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

МегаМегафон Это не КОНЕЦ

Это не конец

Глава 1

Зал суда гудел едва слышно — тем особенным гулом, который бывает только перед приговором. Я сидела за стеклянным ограждением, руки на коленях, пальцы ледяные. Мама — на третьем ряду, я чувствовала её взгляд спиной. Не оборачивалась. Если бы увидела её лицо — разрыдалась бы.

Ник стоял напротив. В мантии. С папкой. Мой жених. Мой обвинитель.

Судья кивнул ему.

— Государственный обвинитель, слово.

Ник поднялся. Голос ровный, как струна.

— Подсудимая признала вину в полном объеме. Именно она находилась за рулем в ночь ДТП. Именно она совершила наезд на потерпевшую. Погодные условия — сильный дождь, недостаточная видимость — не снимают ответственности. Прошу суд назначить наказание в виде пяти лет лишения свободы.

Пять. Лет.

Я смотрела на него и не верила своим ушам. Он обещал. Клялся. «Я вытащу тебя, люблю, не брошу». Он сам попросил меня взять вину. Сказал: «Если сяду я — нам не на что будет жить. А ты девушка, тебе дадут условку. Я всё устрою».

Я верила. Конечно, верила. Он был моим Ником.

А теперь он стоял и просил для меня пять лет.

— Ник, — прошептали мои губы. Без звука.

Он не смотрел в мою сторону.

Судья огласил приговор. Пять лет. Реально. Конвой поднялся, взял меня под локти. Мама сзади всхлипнула — коротко, как от удара. Я дернулась, попыталась обернуться, но меня уже тащили к выходу.

Я смотрела на Ника до последнего.

Он сидел, опустив глаза в бумаги. Даже когда дверь за мной закрылась — не поднял головы.

* * *

Меня завели в маленькую комнату. Белые стены. Стол. Два стула. Окно под потолком с решеткой. Конвойный снял наручники, вышел и щелкнул замком.

Я осталась одна.

Села на стул, обхватила себя руками. Плечи тряслись. Я сжимала пальцы, чтобы унять дрожь, но ничего не помогало. Пять лет. Пять лет без мамы. Без дома. Без него — хотя его у меня уже не было, наверное, никогда и не было.

Дверь открылась без стука.

Я подняла голову.

Мужчина. Высокий. Злой. Серый костюм, черная рубашка, никакого галстука. Лицо тяжелое, скулы острые, глаза — темные и горящие. Я видела его в зале суда. Он сидел на скамье для публики, ближе к проходу. Не отрывал от меня взгляда. Я тогда подумала — адвокат потерпевших. Или кто-то из их семьи.

Он закрыл за собой дверь. Прислонился к ней на секунду, как будто собирался с силами. Потом шагнул к столу.

— Ты, — сказал он.

Слово далось ему тяжело. Я видела, как дернулась его челюсть, как напряглись пальцы на потертом кожаном портфеле.

— Что? — я отшатнулась на стуле. — Вы кто? Кто вы такой? Зачем меня сюда привели?

Он положил портфель на стол. Не спеша. Потом поднял на меня глаза — и в них было что-то такое, от чего захотелось вжаться в стену.

— Тут я задаю вопросы, — сказал он. Голос низкий, рваный, как наждак.

Я молчала. Он шагнул ближе.

— Ты. — Опять это «ты», выплюнутое, как оскорбление. — Как ты посмела тронуть то, что принадлежит мне.

Последнее слово сорвалось на крик. Не громкий — страшный. С хрипом. Как у зверя, который долго молчал и наконец разжал пасть.

Я вжалась в стул. Руки сами поднялись к груди, защищаясь.

— Я не понимаю, о чем вы, — прошептала я. — Я никого не трогала. Я даже... Я только...

— Замолчи.

Он навис надо мной. Я чувствовала запах табака и чего-то металлического.

— Думаешь, решетка — и всё? — он усмехнулся, но усмешка вышла кривой, почти безумной. — Думаешь, пять лет — и свобода? Нет.

Он сделал паузу. Длинную. Я слышала, как бьется мое сердце — слишком быстро, слишком громко.

— Я превращу твою жизнь в ад. Пока сама не покончишь с собой.

Не крикнул. Сказал тихо. И от этой тишины стало хуже, чем от любого крика.

А потом он шагнул. Один шаг — и оказался рядом, так близко, что я видела красные прожилки в его глазах. Его руки легли мне на шею. Не грубо. Почти невесомо. Как будто пробовали на вес.

Я не успела вдохнуть.

Он сжал.

— Нет, — выдохнул он, и его лицо оказалось в сантиметре от моего. — Я сам тебя убью.

Я вцепилась в его запястья. Пальцы скользили по гладкой ткани пиджака. Наручников нет — их сняли, но это ничего не меняло. Он был сильнее. Намного. Я пыталась оторвать его руки от горла — бесполезно. Воздух перестал поступать. В горле — огонь. В ушах — гул.

Я видела его лицо. Он не кричал. Не ругался. Смотрел — спокойно, внимательно, почти любовно — как я умираю.

Руки онемели. Ноги — ватные, не мои. Глаза закатывались. Я хватала ртом пустоту. Где-то далеко, как сквозь толщу воды, услышала хлопок — дверь открылась. Кто-то закричал. Чьи-то руки оторвали его от меня.

Я упала на пол. Горло саднило. Я кашляла, хватала воздух рваными глотками, и каждый глоток был как по стеклу.

А он стоял надо мной. Двое конвойных держали его за плечи. Он не сопротивлялся. Смотрел вниз, на меня, скрюченную на казенном линолеуме.

— Это не конец, — сказал он.

И улыбнулся.

Дверь за ним закрылась. Я осталась одна на холодном полу. С отпечатками пальцев на шее. С одним единственным знанием: там, на свободе, меня ждет не срок. Меня будет ждать он.

Глава 2

Когда его дочь погибла, Леонид Ветров поклялся уничтожить всех, кто к этому причастен. Но случайная пуля, выпущенная в гневе, ранит Гвенею — подругу его дочери, дочь и сестру его врагов. И теперь он вынужден бороться за её жизнь. Он должен ненавидеть её. Он должен мстить её семье. Но когда она открывает глаза и смотрит на него с ужасом, он понимает — его истинное наказание не в смерти, а в том, чтобы спасти ту, кого он должен был убить.

Игорь.

Сорок лет. Сорок лет, из которых двадцать пять он проводит на совещаниях в кабинетах с высокими потолками. Сорок лет, из которых пятнадцать — официально наследник компании, а по факту — дорогой исполнитель при отце, который до сих пор считает, что «метод кнута ничто не заменит».

Игорь не спорит. Игорь уважает отца. Не потому что боится — потому что вырос на его принципах: слово мужчины закон, семья — святое, своё не отдаёшь никогда. Да, методы отца устарели. Да, сам Игорь в душе давно перерос эту жёсткую вертикаль. Но перешагнуть через отца? Нет. Не для того его растили.

Невеста — Елена. Тоже из семьи. Тоже логистика. Брак по расчёту, который уже три года не могут расстроить, потому что отцы не отпускают. Елена красива, холодна и совершенно безразлична Игорю. Она это знает. Он знает. Они встречаются раз в две недели в ресторанах, где шеф-повар выходит здороваться лично.

А есть Алиса. Та самая девушка, которую сбили.

Игорь встретил её на выставке в Милане. Она работала переводчицей. Смеялась невпопад, путала итальянские слова и носила дешёвые босоножки, которые натирали ей ноги. Игорь снял с неё эти босоножки сам. Потом купил новые. Потом снял квартиру. Потом подарил браслет — тонкий, белого золота, с крошечным сапфиром. Алиса не снимала его никогда.

Он не был влюблён. В сорок лет уже не влюбляются. Ему было с ней просто. С ней он не думал об акциях, контрактах, совете директоров. Она спрашивала его: «Как прошёл день?», и он отвечал честно. Впервые за много лет.

* * *

Та ночь.

У Игоря был ужин с Еленой. Переговоры. Отцы сидели во главе стола, говорили о слиянии, а Игорь смотрел в телефон. Алиса написала: «Приезжай, я жду». Он не ответил — нельзя при отцах.

Он выехал в двенадцатом часу. Дождь начался внезапно — летний, злой, с порывами ветра. Игорь вёл аккуратно, не торопился. У него не было предчувствий. Он просто ехал домой к женщине, которую не любил, но с которой хотел быть.

Затор на трассе он увидел издали. Сначала подумал — авария с фурами. Потом разглядел мигалки, скорую, полицейские ленты. Хотел объехать, но какой-то внутренний толчок заставил остановиться. Он никогда не лез в чужие ДТП. И тут вылез.

Вышел под дождь. Не побежал — спокойно, крупными шагами подошёл к ограждению. Кивнул полицейскому:

— Что здесь?

— Пешехода сбили. Скрылись.

Игорь хотел уже развернуться — и замер.

На обочине под мокрой тканью лежала женщина. Игорь не знал, почему он подошёл. Почему перешагнул через ленту. Почему откинул край простыни.

Он узнал её не по лицу — оно было разбито, и он отшатнулся на секунду, прежде чем рассмотреть. Он узнал её по браслету. Белое золото. Сапфир. Тот самый, который он выбирал полтора часа в ювелирном, потому что не мог решить — круглый камень или капля.

Алиса.

Игорь не упал на колени. Не закричал. Он медленно опустился на корточки, взял её руку — холодную, неживую — и поднёс браслет к глазам. Рассмотрел. Потом тихо, очень тихо сказал:

— Это моя.

Полицейский подошёл, положил руку на плечо: «Мужчина, вам нельзя». Игорь поднял на него взгляд. Такой взгляд, от которого у того рука сама убралась.

— Я её муж, — сказал Игорь. — Когда найдёте того, кто это сделал, звоните мне лично.

Он достал визитку. Полицейский взял дрожащими пальцами.

* * *

Второй день.

Игорь не спал всю ночь. Сидел в кабинете, смотрел на фотографию Алисы на столе — она в Милане, смеётся, поднимает бокал. Не пил. Не ел. Просто сидел и смотрел.

Звонок раздался в десять утра.

Арсений Игоревич.

Голос вчерашнего полицейского.

— Мы нашли водителя.

Игорь молчал. Сжимал телефон так, что пластик трещал.

— Девушка. Двадцать три года. Пришла с повинной сегодня утром. Сама. Явилась в отделение и написала явку с повинной.

— Сама? — голос Игоря был ровным. Слишком ровным.

— Да. Сказала, что была за рулём. Что не заметила человека — дождь сильный был, бочка на дороге. Говорит, испугалась и уехала. А потом не выдержала совесть.

Игорь закрыл глаза.

— Имя, — сказал он. — Фамилия. Адрес.

— Игорь Сергеевич, я не могу...

— Имя.

Полицейский назвал.

Игорь положил трубку. Встал. Подошёл к окну. Смотрел на город, который просыпался, на утренние пробки, на людей, которые жили свою обычную жизнь, не зная, что его Алиса больше не проснётся.

Сама пришла. Совесть замучила. Уехала с места преступления — а потом проснулась и решила, что хватит.

Игорь усмехнулся. Усмешка вышла кривой.

— Молодец, — сказал он пустому кабинету. — Правильная девочка. С совестью.

Он повернулся к столу. Открыл ящик. Достал телефонную книгу.

— Мне нужно узнать всё о деле номер... — он продиктовал цифры секретарше. — И найти прокурора.

* * *

Встреча с прокурором.

Нику двадцать восемь. Молодой, амбициозный. Он пришёл в кабинет к Игорю через два дня. Не в фитнес-клуб — в нормальный кабинет, с кожей и массивным столом, за которым Игорь подписывает контракты на миллионы.

Игорь не предлагал сесть. Не предлагал кофе. Смотрел на Ника в упор всё время, пока тот стоял у двери.

— Вы ведёте дело о ДТП на М7, — сказал Игорь. Не вопрос — утверждение.

— Да, — Ник нервничал. Он знал, кто перед ним.

— Девушку, которую сбили, звали Алиса. — Игорь помолчал. — Она не была просто пешеходом. Она была моей женщиной.

Ник молчал.

— Ваша подсудимая, — Игорь сделал ударение на слове «ваша», — сбита её и уехала. Уехала, понимаете? Оставила на асфальте под дождём. А потом пришла с повинной, — он почти сплюнул это слово. — Совесть, видите ли, проснулась.

— Она пришла сама, — осторожно сказал Ник. — Это смягчающее обстоятельство.

— Я знаю, что такое смягчающие обстоятельства, — голос Игоря стал тише. — Я хочу, чтобы вы попросили максимальный срок.

Ник начал мямлить про обстоятельства, дождь, бочку на дороге, про то, что судья не даст больше пяти, даже если очень просить.

Игорь слушал не перебивая. Потом открыл ящик стола и положил на столешницу тонкую папку.

— Здесь полтора миллиона долларов. Ещё столько же — после приговора.

Ник побледнел.

— Это...

— Это ваш билет в жизнь, — перебил Игорь. — Или вы сажаете её на максимум, или я сажаю вас за получение взятки прямо сейчас. Выбирайте.

Он не кричал. Он не угрожал. Он просто констатировал факты, как на совещании по слиянию активов.

Ник взял папку.

— Пять лет, — сказал он. — Больше судья не даст. Она сдалась сама. На её стороне адвокат. И она беременна.

Игорь замер.

— Что?

— Она беременна. На втором месяце. Это ещё одно смягчающее.

Игорь медленно встал. Подошёл к Нику вплотную. Посмотрел сверху вниз — Ник был на голову ниже.

— Мне плевать, беременна она, больна или у неё мать раком. — Его голос звучал тихо, но в нём было столько льда, что Ник поёжился. — Она убила мою Алису. И она ответит.

— Пять лет, — повторил Ник. — Это всё, что я могу.

Игорь сжал челюсть. На секунду в его глазах мелькнуло что-то — тяжёлое, тёмное. Потом он кивнул.

— Пять. Но я хочу с ней поговорить.

— Это незаконно.

— Мне плевать, Ник.

Ник кивнул.

* * *

Зал суда.

Игорь сидит на скамье для публики. Серый костюм. Чёрная рубашка. Запонки с черепами — подарок отца. Спокойный. Собранный. Только пальцы сцеплены в замок так, что белеют костяшки.

Он смотрит на неё.

Двадцать три года. Светлые волосы. Большие глаза. Сидит за стеклянной перегородкой, сложив руки на коленях. Смотрит на прокурора с надеждой — как собака на хозяина. Невинный взгляд. Беззащитный. Такая правильная. С совестью.

Игорь знает, что она сбила Алису. Знает, что уехала. Знает, что пришла с повинной только потому, что поняла — по камерам всё равно найдут. И сейчас врёт, глядя в глаза судьё. И у неё хватает наглости смотреть невинными глазами.

Он сжимает пальцы так, что хрустят суставы. Сидит неподвижно. Никто в зале не догадывается, что творится у него внутри.

Прокурор просит пять лет. Судья даёт пять лет. Её уводят.

Игорь выдыхает через нос. Только начало.

Он выходит в коридор. Находит конвойного — того, кому заплатил за три дня до этого.

— Приведи её в комнату четырнадцать. Скажешь — дополнительный допрос.

Конвойный кивает.

* * *

Комната 14.

Он ждал этого с того самого момента, как увидел браслет на мёртвой руке Алисы.

Игорь входит следом за ней. Конвойный закрывает дверь и остаётся снаружи. Игорь поворачивает ключ.

Она сидит на стуле. Обхватила себя руками. Дрожит. Смотрит на него снизу вверх — испуганно, но пока не понимая, кто он.

— Ты, — говорит Игорь. И замолкает.

Слово даётся ему тяжело. Он не привык разговаривать с теми, кто ниже его. Тем более — с убийцей.

— Вы кто? — её голос тонкий, как леска. — Кто вы такой? Зачем меня сюда привели?

Игорь медленно идёт к столу.

— Тут я задаю вопросы, — говорит он спокойно. Голос ровный, без повышения.

Она молчит.

— Ты, — повторяет он. — Как ты посмела тронуть то, что принадлежит мне?

На последнем слове его голос всё-таки срывается. Не в крик — в такое низкое, горловое рычание, от которого она вжимается в стул.

— Я... я не понимаю, — лепечет она. — Я только....Я даже...

— Заткнись.

Игорь подходит к ней — медленно, как хищник, который знает, что жертва никуда не денется.

— Думаешь, решётка — и всё? — его голос снова спокойный. Опаснее всего. — Думаешь, пять лет — и свобода? Нет. Я превращу твою жизнь в ад. Пока сама не покончишь с собой.

Она смотрит на него расширенными глазами. Дышит часто-часто.

Игорь наклоняется. Берёт её лицо в ладонь — холодную, жёсткую. Большим пальцем водит по щеке. Она не дышит.

— Ты убила мою Алису, — шепчет он. — Мою. Понимаешь?

А потом его руки спускаются ниже. Ложатся на шею. Не сжимают — пробуют. Чувствуют пульс, частый, как у загнанного зверька.

Она не сопротивляется. Он сжимает.

— Нет, — выдыхает он. — Я сам тебя убью.

Она хватается его за запястья. Пальцы слабые, бесполезные. Он смотрит, как её лицо меняет цвет, как глаза закатываются, как по щекам текут слёзы — и не чувствует ничего, кроме пустоты. И удовлетворения.

Воздух перестаёт поступать в её лёгкие. Она начинает хрипеть — тихо, страшно.

И в этот момент дверь открывается.

Конвойные отрывают его от неё. Двое. Игорь не сопротивляется. Он смотрит на неё — лежит на полу, кашляет, хватается ртом воздух.

— Это не конец, — говорит он, поправляя манжеты.

Его выводят из комнаты. В коридоре он останавливается, поворачивается к конвойному:
— Скажи начальнику СИЗО, что за ней нужен особый контроль. Она должна чувствовать каждый день. Каждый час.

Конвойный кивает.

Игорь идёт к выходу. На ходу достаёт телефон, набирает отца.

— Пап, — говорит он. — У меня к тебе разговор. Не по бизнесу.

Отец молчит на том конце.

— Я хочу, чтобы одна девушка не вышла на свободу. Никогда.

Отец спрашивает: «Кто?»

Игорь отвечает: «Убийца».

Он врёт. Не договаривает. Но отцу не обязательно знать всё. Отец — человек старой закалки. Для него своя кровь — закон. Чужая — нет.

Игорь садится в машину. Заводит двигатель. В зеркале заднего вида — его лицо. Спокойное. Собранное.

Только глаза. В глазах — тьма.

Он своё обещание сдержит. Она умрёт. Не завтра. Не через год. Но он дождётся. Он умеет ждать. Сорок лет жизни — хорошая школа терпения.

Глава 3

Она. Первая ночь.

Автозак трясся на каждой кочке. Я сидела, сжавшись в комок, и смотрела на свои руки — тонкие запястья, следы от наручников ещё красные. Пять лет. Пять лет. Слово стучало в висках в такт колёсам.

Я не верила. Не могла поверить. Ник обещал. Он сам сказал: «Я тебя вытащу, ты не сядешь, ты девушка, тебе дадут условку». А сам попросил пять.

Я сжимала пальцы в кулаки, чтобы не заплакать. Мама. Её лицо в зале суда. Она сидела и смотрела, как её дочь уводят. Я не обернулась. Я пожалею об этом всю жизнь.

— Выходи, — конвойный открыл дверь.

Я спустилась по ступенькам. В нос ударило — дешёвое мыло, хлорка, чужая беда. Коридоры длинные, серые, с металлическими дверями. Я шла за женщиной в форме, которая даже не оборачивалась. Просто вела. Как овцу на убой.

— Раздевайся.

Кабинка. Холодно. Я стянула с себя платье — то самое, в котором сидела в зале суда. Тёмно-синее. Ник говорил: «Надень что-то скромное, чтобы судья увидела — ты не хулиганка». Я послушалась. Как всегда.

Оранжевый комбинезон. Грубая ткань, пахнет казной. Я натянула его — большой, висит на плечах. Мои кеды забрали, дали какие-то тапки на тонкой подошве.

— Фамилия.

— Морева, — сказала я. Голос чужой, тонкий.

Меня повели дальше. Шаг за шагом. Я пыталась запомнить дорогу — поворот, ещё поворот, длинный коридор, потом ещё один. Бесполезно. Я не понимала, где нахожусь. Я не понимала, как здесь оказалась.

— Твоя камера, — конвойный ткнула пальцем в дверь. Лязгнул замок.

Я вошла.

Три женщины. Сидели на нарах — кто лежал, кто курил у окна. Они обернулись на звук. Молча. Смотрели — холодно, как на вещь.

— Здравствуйте, — сказала я. Голос дрожал. — Я Ира. Меня... меня только что привезли.

Никто не ответил. Одна отвернулась к стене. Другая затянулась сигаретой и выпустила дым мне в лицо. Третья — крупная, с короткой стрижкой — скользнула по мне взглядом и сплюнула на пол.

Я не знала, что делать. Стояла в проходе, сжимая в руках маленький узелок — мне выдали постельное бельё, кружку, ложку. Потом опустила глаза и пошла к дальнему углу.

Там были пустые нары. Жёсткие. Без матраса — просто голые доски с тощим матрацем, который пахнет чужой спиной. Я села. Обхватила колени руками. Сжалась.

Мне хотелось в мамины руки. В мою комнату. К моему коту Семёну, который спал у меня на подушке. В то утро, когда Ник сказал: «Мы ни в чём не виноваты, это был несчастный случай, я всё улажу». Я верила ему. Я так верила ему.

В камере было тихо. Женщины о чём-то перешёптывались, иногда поглядывали в мою сторону. Я не поднимала глаз.

Поднесли ужин. Баланда — жидкая, серая, с плавающей картофелиной. Я не могла есть. Ком в горле стоял такой большой, что если бы я проглотила хоть ложку, меня бы вырвало. Я отодвинула миску. Завернулась в тощее одеяло и легла.

Спать не хотелось. Хотелось исчезнуть. Я смотрела в потолок и считала трещины. Одна, две, три. Семнадцать. Я сбилась. Начала заново.

На какой-то трещине — не помню, на какой — я провалилась. Не в сон — в темноту. Усталость взяла своё.

* * *

Удар. Резкий, неожиданный. Прямо в поясницу, в почку.

Я не закричала — я всхлипнула, свернулась клубком, ещё не понимая, где я. А потом меня схватили за волосы и стащили с нар на пол.

— Ты чё здесь расселась, мразь?

Голос крупной. Той, которая сплюнула.

Я открыла глаза. Надо мной стояли три тени. В темноте не видно лиц — только силуэты. Тяжёлые дыхания. Запах перегара и пота.

— Я... я ничего не делала, — прошептала я. — Пожалуйста...

Удар ногой в живот. Я согнулась пополам. Воздух вырвался из лёгких со свистом. По полу потащили за волосы — голова стукалась о бетон.

— Что, не знаешь, как в камере знакомиться надо?

— Я поздоровалась, — выдавила я. — Я сказала...

Рот зажали чьей-то ладонью. Грубой, с мозолями. Я попыталась укунить — в ответ получила пощёчиной. Сильной, до звона в ушах.

Потом били ногами. Куда попало — в спину, в рёбра, в бёдра. Я закрыла голову руками и свернулась в позу эмбриона. Я плакала. Я никогда в жизни не чувствовала такой боли. Никогда.

Я росла доброй девочкой. Подкармливала бездомных собак, плакала над мультиками, помогала маме тащить тяжёлые сумки. Я не могла ударить человека. Даже в мыслях. Даже если бы меня сильно разозлили. А эти женщины — они били меня так, будто я была не человеком. Будто я была тряпкой. Будто им доставляло удовольствие слышать, как я хриплю.

— Хватит, — сказала кто-то.

Удары прекратились. Я лежала на холодном полу, свернувшись калачиком. Лицо горело. Ребро — каждое дыхание отзывалось болью. Почка — та, правая — пульсировала так, что тошнило.

Шаги удалились. Кто-то лег на нары. Кто-то чиркнул зажигалкой — закурила.

Я лежала и не двигалась. Слезы текли по щекам, но я уже не всхлипывала. Я просто смотрела в темноту и пыталась понять — это приказ того мужчины? Того, в сером костюме? Который душил меня в комнате? Или так здесь со всеми?

Я не знала. И от этого было страшнее всего.

Если так со всеми — значит, я выживу. Научусь. Стану жёстче. Выдержу пять лет и выйду.

А если это он...

Он сказал: «Я превращу твою жизнь в ад, пока сама не покончишь с собой».

Я закрыла глаза. Губы дрожали.

— Ник, — прошептала я в пустоту. — Зачем ты меня обманул? Я ведь правда не знала. Я и правда думала, что это была бочка.

Ты вышел посмотреть. Ты сказал: «Успокойся, это просто бочка, никого нет». Я поверила. Я никогда бы не уехала, если бы знала, что там человек. Никогда. Меня так мама растила.

Но мама сидела в зале суда и смотрела, как её дочь надевают наручники. А Ник поправлял галстук и просил пять лет.

Я перевернулась на спину. Больно. Всё болит.

— Мама, — одними губами. — Мамочка, прости меня.

За окном — решётка. За решёткой — чужое небо. А надо мной — три женщины, которые только что чуть не убили меня за то, что я поздоровалась.

Я села. Спина к стене. Обхватила колени. И просидела так до утра. Не спала. Не ела. Только смотрела на дверь и ждала, когда она откроется.

Она откроется. Конечно, откроется. Впустит того, в сером костюме. Или его людей.
Я знала одно: он сдержит обещание. Он превратит мою жизнь в ад.
А я даже не знала, как его зовут.

Глава 4

Я не спала. Точнее — я проваливалась в чёрную яму на несколько минут, а потом просыпалась от того, что сердце колотилось так, будто я бежала марафон. Ребро болело при каждом вдохе. Почка пульсировала глухо, тяжело.

Я лежала на боку, свернувшись калачиком, и смотрела на дверь.

В камере было тихо. Три женщины спали. Та, крупная, что была первой, храпела — грубо, с присвистом. Я ненавидела этот звук. Но я молчала. Я вообще не издавала звуков с той ночи.

Утром пришли конвойные.

— Морева, на выход.

Я поднялась. Каждое движение отзывалось болью. Я старалась идти ровно, не хромать, не показывать, как мне плохо. Если они узнают, что меня избили — что будет? Посадят в ШИЗО? Или просто скажут: «Сама виновата»?

Коридоры. Повороты. Знакомый запах хлорки. Мы остановились у какой-то двери. Конвойный открыл.

— Заходи.

Я шагнула внутрь и замерла.

Ник.

Он сидел за столом в гражданском — светлый свитер, волосы зачёсаны назад, глаза уставшие. Но живые. Родные. Мои.

— Ира, — он встал. — Иди сюда.

Я не двинулась. Я смотрела на него и не верила. Тот, кто попросил для меня пять лет? Тот, кто не посмотрел в мою сторону, когда меня уводили?

— Зачем ты пришёл? — голос у меня сел. С ночи. От криков. От слёз, которые я глотала.

— Садись, — он пододвинул стул.

Я села. Напротив. Руки сложила на коленях — привычка из зала суда.

Ник вздохнул. Потёр лицо ладонями. Он выглядел плохо. Не спал, наверное. Или спал, но не в своей постели. В какой-нибудь дешёвой гостинице, чтобы не светиться.

— Слушай меня внимательно, — сказал он тихо. — Тебе хотели дать десять лет.

Я моргнула.

— Что?

— Десять, — повторил Ник. — Судья была настроена жёстко. Сбить пешехода и скрыться — это тянет на семь-восемь минимум. А тут ещё прокуратура давила. Я три ночи не спал, Ира. Я уговаривал. Я сказал, что у тебя нет умысла, что ты сама пришла с повинной, что ты...

— Ты попросил пять, — перебила я. — Я слышала. Ты сам попросил пять.

— Потому что если бы я попросил меньше, судья дала бы десять. Так работает система, Ира. Ты просишь три — тебе дают семь. Ты просишь пять — тебе дают пять. Я боролся за тебя. Каждую минуту.

Я смотрела в его глаза. Они блестели. Он говорил быстро, убедительно — как в суде. Только сейчас не для присяжных. Для меня.

— Я люблю тебя, — сказал он. — И я люблю нашего ребёнка.

Моё сердце пропустило удар. Я положила руку на живот. Ребёнок. Я уже забыла. На фоне всей этой боли, страха, тюремных стен — я забыла, что внутри меня кто-то есть.

— Я не допущу, чтобы он родился в тюрьме, — Ник накрыл мою руку своей. Тёплой. Родной. — Я найму адвокатов. Я буду подавать апелляции. Я вытаску тебя. Обещаю.

Я смотрела на наши руки. Его пальцы поверх моих. Как тогда, дома. Когда он сказал: «Доверься мне».

— Ты мне веришь? — спросил он. — Ира. Посмотри на меня. Ты веришь мне?

Я подняла глаза. В его взгляде было столько боли, столько отчаяния — настоящего или нет, я уже не разбирала. Мне так хотелось верить. Так хотелось, чтобы кто-то сильный взял меня за руку и сказал: «Всё будет хорошо».

Я кивнула.

— Верю.

Он выдохнул — с облегчением, как будто держал заряд и наконец разжал пальцы.

— Молодец, — сказал он. — Держись там. Ещё немного. Я тебя вытащу.

Он встал. Поцеловал меня в макушку — быстро, почти украдкой. И пошёл к двери.

— Ник, — окликнула я.

Он обернулся.

— Тот мужчина. В сером костюме. Он приходил ко мне в комнату. Он... он душил меня. Он сказал, что уничтожит. Я боюсь его.

Ник замер. На его лице мелькнуло что-то — быстрее, чем я успела прочитать. Страх? Вина? Или что-то ещё?

— Я разберусь, — сказал он. — Не бойся. Он тебя не тронет.

И вышел.

Дверь закрылась. Конвойный повёл меня обратно в камеру.

Я шла и почти улыбалась. Он меня не бросил. Он борется. Он любит меня. И ребёнка.

Я не сказала ему про избиение. Зачем? Он и так переживает. Ему и так тяжело. Я справлюсь. Я сильная.

Я верила ему. Снова.

* * *

Ночь.

Меня разбудил свет. Не свет — вспышка, резкая, как удар.

— Вставай.

Я не успела сообразить, что происходит. Меня схватили за плечи, стащили с нар. Я спростонья не понимала, где нахожусь — в камере, в суде, дома. Ноги не слушались.

— Что... что вы...

— Молчи.

Две женщины-конвойные. Не те, что днём. Новые. Злые. Они тащили меня по коридору быстрее, чем я могла идти. Я спотыкалась. Тапки слетели с ног. Я шлёпала босыми ступнями по холодному полу.

— Куда мы? — мой голос дрожал. — Пожалуйста, скажите...

Молчание.

Поворот. Ещё поворот. Длинный коридор, в конце которого горела только одна лампа. Дверь. Железная, без таблички.

Конвойная открыла её. Толкнула меня внутрь.

— Сиди тихо.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок.

Я осталась одна в темноте.

Комната была маленькой. Я слышала своё дыхание — громкое, испуганное. Пахло пылью и старым деревом. Я вытянула руку — нащупала стену. Холодную, бетонную.

Потом я разглядела. В углу, на стуле, сидел человек.

Я не видела лица — только силуэт. Но знала. Знала сразу. Тот силуэт. Та же поза — спокойная, властная. Как будто он здесь был главным. Как будто он здесь был богом.

— Нет, — прошептала я. — Нет, пожалуйста...

Я попятилась к двери. Стукнулась спиной. Забарабанила кулаками.

— Помогите! — закричала я. — Кто-нибудь! Откройте! Выпустите меня!

Я колотила по железу так, что отдавало в пальцах. Кричала до хрипоты.

— Помогите! Пожалуйста! Я ничего не сделала!

Он не двигался. Сидел в темноте и слушал. Ждал.

Потом встал.

Я услышала скрип стула. Его шаги — тяжёлые, уверенные. Он подошёл ко мне. Я чувствовала его запах — табак, дорогой парфюм, металл. Он взял меня за локоть. Развернул к себе.

— Прекрати орать, — сказал он. Голос низкий, спокойный. — Думаешь, это что-то даст?

Я зажмурилась. Сильно-сильно, до искр под веками. Закрыла лицо руками.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Пожалуйста, не надо.

— Не надо чего? — он не повышал голоса. Это было страшнее крика. — О чём ты просишь? Чтобы я убил тебя?

Я замотала головой. Слёзы текли сквозь пальцы. Я не могла говорить. Не могла дышать.

— Простите, — выдохнула я. — Простите меня. Я не знала. Я правда не знала, что там человек. Я думала, это бочка. Мне сказали, что это бочка. Я никогда бы не уехала, если бы знала. Я сожалею. Мне жаль. Простите. Простите. Простите меня. Пожалуйста.

Я лепетала, захлёбываясь словами, не видя ничего сквозь слёзы и закрытые веки. Я не знала, что говорю. Я просто хотела, чтобы он остановился. Чтобы ушёл. Чтобы перестал меня мучить.

Он молчал.

А потом я услышала его дыхание. Оно стало другим — тяжёлым, рваным. Как у зверя.

— Не смей, — сказал он. Голос дрогнул. — Не смей просить у меня прощения.

Я открыла глаза.

Его лицо было близко — очень близко. Искажённое гневом, болью, чем-то таким, что я не умела называть. Его кулак взметнулся вверх.

Я закричала.

Но удар не пришёлся в моё лицо. Он пришёлся в стену. Рядом с моей головой. Глухой, тяжёлый звук — бетон, кости, кожа.

Я закричала снова — от неожиданности, от ужаса, от того, что он был так близко. А потом, не понимая что делаю, я обняла его.

Я вцепилась в его предплечье — там, где закатан рукав рубашки, где твёрдые мышцы и горячая кожа. Прижалась лбом к его плечу. И держала. Держала изо всех сил, как будто от этого зависела моя жизнь.

Он замер.

Я чувствовала, как бьётся его сердце — через ткань рубашки, через мои пальцы. Часто. Сбивчиво. Не как у спокойного, умного, солидного мужчины. Как у раненого.

А потом его рука легла на мою голову. Нежно — жёстко. Пальцы впились в волосы. Он прижал меня крепче — к себе, к стене, не разобрать.

И второй удар. В стену. Рядом с моим ухом.

Третий.

Четвёртый.

Я слышала, как трещит штукатурка. Как хрустят его суставы. И в какой-то момент я почувствовала запах крови. Тёплой, железной. И увидела — краем глаза, сквозь пряди волос — как по его пальцам течёт красное, густое, тёмное в полутьме.

Он не издал ни звука. Только дышал — тяжело, как после бега.

Потом он оттолкнул меня. Резко. Я ударилась спиной о стену и сползла по ней на пол.

Он стоял надо мной. Смотрел сверху вниз. Лицо — в тени. Только глаза — тёмные, пустые, чужие.

— Не проси прощения больше никогда, — сказал он. Голос сел. — Я тебя не прощу.

Он отвернулся. Пошёл к двери. Открыл её сам — ключ был у него. Я слышала, как он вышел. Как дверь закрылась. Как щёлкнул замок.

Я сидела на полу, прижимая колени к груди, и дрожала. Вся. С головы до пят. Зубы стучали.

Рядом с моей головой, на стене, остались тёмные пятна. Кровь. Его кровь.

И запах — табак, парфюм, металл.

Он ушёл. Я осталась. И я поняла одну вещь, которая была страшнее всех угроз.

Он не хотел меня убивать.

Он хотел, чтобы я страдала. Долго. Каждый день. Пока сама не взмолюсь о смерти.

И у него это получалось.

Я закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Ник. Пожалуйста, заberi меня отсюда.

Но Ник был далеко. Спал в своей постели. Или не спал. Но его плечо не дрожало под моими пальцами. И его кулак не разбивал стены за меня.

А я сидела на холодном полу и ждала утра.

Утро придёт. Оно всегда приходило. Но что оно принесёт — я боялась даже думать.

Глава 5

Игорь был в спортзале, когда зазвонил телефон.

Он не брал трубку во время тренировок — правило, которое не нарушал никогда. Но этот номер заставил его остановиться. Незнакомый. Он хотел сбросить, но что-то — внутренний толчок, холодок по позвоночнику — заставило нажать «ответить».

— Игорь Сергеевич?

— Да.

— Вас беспокоят из морга. По поводу Алисы Сергеевны.

Игорь замер. Штанга со стуком упала на пол. Кто-то из стоящих рядом обернулся, но он не видел никого. Перед глазами — только белая плитка стен и телефон, который вдруг стал тяжёлым.

— Что? — спросил он. Голос — чужой, со стороны.

— Мы проводили дополнительное исследование. Вскрытие показало... — врач запнулся.

— Алиса Сергеевна была беременна. Срок — примерно шесть недель.

Тишина.

Игорь слышал, как бьётся сердце. Гулко, медленно, как похоронный колокол.

— Вы меня слышите? — спросил врач.

— Да, — сказал Игорь. — Слышу.

— Мне очень жаль...

Игорь нажал отбой.

Он стоял посреди спортзала в мокрой от пота футболке, сжимая телефон так, что пластик трещал. Люди вокруг поднимали штанги, бежали по дорожкам, пили воду из бутылок. Жили. Не зная, что его Алиса носила под сердцем ребёнка.

Их ребёнка.

Он опустился на скамейку. Сел. Положил телефон рядом. Руки тряслись — в первый раз за много лет. Он не плакал с двенадцати лет, когда умерла мать. Но сейчас глаза защипало.

Ребёнок.

Он никогда не хотел детей. Сорок лет — и ни одной ночи, проведённой в мыслях о колыбельных, школах, выпускных. Елена — холодная, расчётливая — не подходила для материнства. Да и он сам не подходил для отцовства. Слишком жёсткий. Слишком занятой. Слишком... сломанный.

Но с Алисой...

С Алисой он поймал себя на этой мысли однажды. Они лежали в постели, она читала вслух какую-то чушь из интернета, смеялась и тёрлась носом о его плечо. Он смотрел на неё и вдруг понял: «А может, и не страшно. Может, с ней — не страшно».

Он не сказал ей тогда. Подумал — успеется.

Не успелось.

Теперь она лежала в морге. Холодная. Одна. А внутри неё — их общее, маленькое, нерождённое — уже не билось.

Игорь медленно встал. Пошёл в раздевалку, не замечая ничего вокруг. Принял душ — обжигающе горячий, чтобы прийти в себя. Оделся. Вышел на парковку.

В машине он сидел десять минут. Не заводил. Смотрел на руль и переваривал.

Шесть недель. Алиса знала? Наверное, нет. Она сказала бы ему. Она не умела молчать о важном. Она бы прибежала, сияющая, ткнула его носом в тест: «Смотри, Игорь, смотри!» — а он бы сделал вид, что не рад, а потом всю ночь гладил бы её по животу.

Этого не будет.

Вместо этого есть та, кто сбила Алису. Та, кто уехала. Та, кто сейчас спит в тюремной камере, в тёплом комбинезоне, под одеялом, живая.

И беременна.

Игорь завёл машину. Рванул с места так, что шины взвизгнули.

Он не помнил дороги. Светофоры, повороты, мост — всё слилось в одно размытое пятно. Он думал об Алисе. О ребёнке, которого никогда не возьмёт на руки. О той девушке, которая носит под сердцем чужую жизнь, тогда как его собственная лежит на холодном металле.

Он подъехал к тюрьме за полночь.

— Мне нужна та камера, — сказал он охраннику на проходной. Голос — сталь. — Девушку, которую привезли на прошлой неделе. Морева.

— Игорь Сергеевич, но сейчас не время для...

Игорь положил на стойку пачку купюр. Толстую.

— Я сказал — мне нужна.

Охранник сглотнул. Кивнул.

Её привели в комнату через двадцать минут. Игорь ждал в углу, в темноте. Он слышал её шаги по коридору — быстрые, испуганные. Слышал, как она спросила: «Куда вы меня ведёте?» — и как ей не ответили.

Дверь открылась. Её толкнули.

Она была в том же оранжевом комбинезоне, босая — тапки потеряла по дороге или сняли. Волосы спутаны в пучок, глаза заspanные, ничего не понимающие.

Она не увидела его сразу. Оглядывалась по сторонам, щурилась в темноту.

— Кто здесь? — спросила она тонким голосом.

Игорь шагнул в свет. Медленно. Как из тени.

Она узнала его. Замерла. Губы задрожали.

— Нет, — прошептала она. — Только не вы. Пожалуйста.

Она попятилась к двери, забарабанила кулаками. Закричала — громко, отчаянно: — Помогите! Выпустите меня! Кто-нибудь!

Игорь стоял в темноте и смотрел. Не двигался. Ждал.

Она кричала долго. До хрипоты.

Он смотрел на неё сверху вниз. На её тонкие запястья, на дрожащие плечи, на живот, скрытый мешковатым оранжевым комбинезоном.

Она не видела, куда он смотрит. Она была с закрытыми глазами, зажмурившись так сильно, что вокруг век образовались морщинки.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Пожалуйста, не надо. Простите меня. Простите. Простите, что я не знала. Мне сказали — бочка. Я поверила. Простите. Простите меня. Пожалуйста. Мне жаль. Мне так жаль.

Слова лились сплошным потоком, бессвязные, испуганные. Она не открывала глаза.

Игорь смотрел на её живот.

Там, внутри, билось маленькое сердце. Чужое. Не его. Не Алисино. Алисин ребёнок мёртв. Умер, даже не родившись. А эта будет жить. Носить под сердцем чужую жизнь и, наверное, любить её. А он? Он никогда не возьмёт на руки своего. Никогда не увидит, как его кровь открывает глаза и ищет его лицо.

Мысль ударила под дых. С силой, с которой он не мог совладать.

Гнев поднялся откуда-то из глубины — чёрный, горячий, невыносимый. Ему стало тесно в собственной шкуре. Он не мог дышать.

Его кулак взметнулся вверх.

Она не видела — глаза закрыты. Она только услышала свист — и закричала.

— Нет! Пожалуйста! Не надо!

Удар пришёлся в стену. Рядом с её головой. Бетон, кости, кожа — глухой, страшный звук.

Она закричала снова — от неожиданности, от ужаса. А потом, не понимая что делает, открыла глаза, увидела его руку в сантиметре от своего виска и... потянулась к нему.

Она обхватила его за предплечья. Не слабо — сильно, отчаянно, как будто он был не угрозой, а спасением. Вцепилась пальцами в ткань рубашки, притянула его руку к себе — не чтобы оттолкнуть, чтобы удержать. Чтобы не дать ударить снова. Чтобы защититься единственным способом, который знало её испуганное тело.

Игорь замер.

Её пальцы — тонкие, холодные, дрожащие — обхватили его руки. Она прижалась лбом к его запястью. Не дышала. Только тряслась.

Её запах ударил в нос. Не тюремное мыло. Не страх. Что-то другое — молодое, живое, тёплое. То, чего он лишил бы, если бы не остановился.

И вдруг — Алиса.

Она стояла перед глазами. Живая. Смеющаяся. Та, которая кормила бездомных котов. Та, которая плакала над грустными фильмами. Та, которая носила под сердцем его ребёнка, сама ещё не зная об этом.

«Игорь, — сказала бы она. — Посмотри на неё. Она тоже будет мамой. Ты правда хочешь, чтобы ребёнок родился в аду, который ты для неё устроил?»

Ей бы не понравилось. Он знал. Алиса ненавидела жестокость. Она говорила: «Сила не в кулаках, Игорь. Сила в том, чтобы остановиться».

Он не умел останавливаться. Никогда не умел.

Но сейчас — сейчас он посмотрел на свои руки. На её пальцы, сжимающие его предплечья. На свой кулак, разбитый о стену, с которого капала кровь.

Она не видела его лица. Она прижималась к нему, ища защиты у того, кто сам хотел её убить.

Игорь медленно выдохнул. Шумно. Как после долгой задержки дыхания.

— Никогда не извиняйся, — сказал он тихо. Голос сел. — Запомни.

Она подняла голову. Посмотрела на него снизу вверх — глаза красные, опухшие, полные слёз и непонимания.

— Я ухожу, — сказал он. — Не потому что ты заслужила. Не потому что я тебя простил. Он помолчал.

— Ребёнок не при чём. Я не буду трогать тебя, пока ты носишь его. Когда родишь...

Он не договорил.

Развернулся. Пошёл к двери. Взялся за ручку, но остановился и посмотрел прежде чем выйти.

Дверь открылась. Он вышел.

В коридоре он остановился. Прислонился спиной к стене. Закрыв глаза.

Её пальцы всё ещё горели на его предплечьях. Её запах всё ещё был в носу. Её страх — в лёгких.

Он не простил. Он не умел прощать. Но он подождал бы.

Он умел ждать. Сорок лет — хорошая школа терпения.

Игорь пошёл по коридору. Не оглядываясь. Не сбавляя шага.

На улице сел в машину, завёл, но не поехал. Уткнулся лбом в руль.

— Прости, Алиса, — сказал он в тишину. — Я не смог. Не смог её убить. Не сегодня.

Он поднял голову. Посмотрел в зеркало заднего вида. На свои глаза — уставшие, чужие.

— Но это не конец. Я вернусь. Когда она родит. Я сказал правду — ребёнок не при чём.

А она... она ответит.

Машина тронулась. Тюрьма осталась позади — серая, огромная, полная живых и мёртвых.

Игорь ехал домой. В пустую квартиру. К золотому браслету на столе.

Он не стал отцом. Никогда не станет.

Но мысль, которая когда-то мелькнула и исчезла — «а может, и не страшно» — теперь въелась в голову намертво. И болела. Сильнее, чем разбитые костяшки. Сильнее, чем пустота в груди.

Он бы мог быть отцом. С Алисой — мог.

Но Алисы больше нет.

А та, кто её убила, будет жить. Как минимум до родов. А потом — посмотрим.

Игорь сжал руль так, что побелели пальцы.

— Я умею ждать, — повторил он себе.

И поверил.

Глава 6

Семь месяцев. Двести десять дней. Она считала каждый.

Живот уже круглый, тяжёлый. Ребёнок пинался по ночам — громко, требовательно, как будто торопился наружу. Она гладила его через ткань оранжевого комбинезона и шептала: «Тише, маленький, тише. Ещё немного».

Она подавала иски. Три штуки. На пересмотр дела, на смягчение приговора, на перевод в другую тюрьму — поближе к маме. Все отклонили. Формулировки одинаковые, казённые, холодные: «Отказано в связи с отсутствием оснований».

Она перестала надеяться на суд. Осталась только надежда на Ника.

Он приходил редко. Раз в месяц, иногда реже. Садился напротив, говорил тихо: «Я работаю, Ира. Я пытаюсь тебя вытащить. Держись». Она смотрела на его глаза — уставшие, виноватые — и верила. Потому что верить больше было не во что.

Но в последний раз он пришёл другой.

Бледный. Руки тряслись.

— Ира, — сказал он, не садясь. — Он знает. Игорь. Он меня вызвал. Он догадывается.

— Кто? — не поняла она.

— Тот, из зала суда. — Ник оглянулся на дверь, как будто боялся, что их подслушивают. — Он знает, что я навещаю тебя. Сказал, что если я ещё раз приду — он сотрёт меня в порошок. Ира, он может. У него деньги, связи, отец... Я не могу рисковать. У меня тоже жизнь. Карьера, родители.

Она смотрела на него. На того, кто уговорил её взять вину. Кто продал её за полтора миллиона. Кто обещал вытащить — и не вытащил.

— Ты бросаешь меня, — сказала она не вопросом — утверждением.

— Я работаю на стороне, — заторопился Ник. — Через адвокатов. Я не могу приходить сам, но я не брошу тебя. Не думай ни о чём. Береги ребёнка. Нашего ребёнка.

Он развернулся и ушёл. Даже не поцеловал в макушку, как в прошлый раз.

Она осталась сидеть за стеклом. Положила руку на живот. Ребёнок толкнулся — сильно, как будто сказал: «Я здесь. Я с тобой».

— У нас только ты и я, Рома, — прошептала она. — Только ты и я.

* * *

Месяцы тянулись медленно. Ник не появлялся. Игорь — тоже.

Она сначала ждала. Вздрагивала от каждого звука за дверью, от каждого лязга замка. Думала — сейчас её вызовут. Снова поведут в ту комнату. Снова темнота, запах табака и металла, и его тяжёлый взгляд.

Но никто не приходил.

День за днём. Неделя за неделей.

И она начала думать: «Может, он смирился? Может, простил? Может, понял, что я не виновата, и успокоился?»

Она хотела верить. Ей так хотелось верить, что всё закончилось. Что кошмар позади. Осталось только родить, достучаться до суда, выйти и начать новую жизнь. С Ромой. С мамой. Без Ника. Без Игоря.

Она не знала, что он просто ждал.

Ждал, когда ребёнок родится. Потому что пообещал себе: не трогать беременную. Из уважения к Алисе. Из уважения к тому, что она тоже была беременна — и умерла.

А потом — он вернётся.

* * *

Тот день.

Её вызвали на разговор через семь месяцев и две недели.

Она шла по коридору, положив руку на живот. Ребёнок затих — будто чувствовал. Конвойная вела её в комнату для свиданий — туда, где стекло и телефон, где разговаривают с адвокатами и редкими посетителями.

«Наверное, мама пришла», — подумала она. Мама приходила раз в две недели. Плакала. Ира её успокаивала.

Она зашла в комнату.

И замерла.

За стеклом сидел он.

Игорь.

Серый костюм. Чёрная рубашка. Волосы зачёсаны назад. Лицо — каменное, непроницаемое. Он сидел, откинувшись на спинку стула, закинув ногу на ногу. Руки сложены на коленях. Властный. Суровый. Опасный. Как судья, который выносит приговор, даже не открывая рта.

Она похолодела. Вся — от макушки до пят. Ребёнок внутри дёрнулся — испуганно, как будто разделял её ужас.

— Садись, — сказал он. Голос шёл через динамик — низкий, металлический, чужой.

Она не двинулась.

Он указал пальцем на стул.

— Я сказал — садись.

Ноги подкосились. Она села на стул.

Тишина.

Он молчал. Долго. Смотрел на неё через стекло. В упор. Как тогда — в тёмной комнате. Как будто читал её мысли, её страхи, её душу.

Она не выдерживала его взгляда. Опустила глаза. Уставилась в колени.

— У тебя скоро срок рожать, — сказал он наконец. Голос ровный, спокойный. Без эмоций. — Я тебе советую отдать ребёнка отцу.

Она подняла глаза. Не поняла.

— Что?

— Ребёнка. Отдай отцу. Так ему будет лучше.

Она слотнула. В горле пересохло.

— У него... у него нет отца, — сказала она. Голос дрожал. — Я одна.

Игорь усмехнулся. Криво. Одним уголком рта.

— Нет отца?

Она побелела.

Она молчала. Сердце колотилось так, что она слышала его в ушах.

— Зачем вам это? — прошептала она. — Я и так в двойне отбываю срок. Чего вы ещё хотите?

Игорь наклонился вперёд. Ближе к стеклу. Глаза — тёмные, холодные, бездонные.

— Хочу? — переспросил он. — Я хочу, чтобы ты поняла: ты не выйдешь отсюда. Не живой. Ты убила мою женщину и моего ребёнка. Шесть недель. У неё внутри было шесть недель. Ты лишила меня того, что я даже не знал, что хочу. А теперь ты родишь. И будешь сидеть. И знать, что твой ребёнок растёт без тебя. Так же, как я буду знать, что мой — не вырос вообще.

Она зажмурилась. Слезы текли по щекам.

— Пожалуйста, — прошептала она. Голос сорвался. — Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я больше не могу. Я бы давно покончила с собой, если бы не ребёнок.

Тишина.

Она открыла глаза.

Игорь смотрел на неё. Долго. Потом медленно поднялся. Поправил пиджак. Усмехнулся — той же кривой, страшной усмешкой.

— Живи, — сказал он. — Пока.

Он положил трубку. Развернулся и ушёл. Не оглядываясь.

Она сидела, прижимая руки к животу. Смотрела на пустое стекло.

Конвойная зашла, подняла её под локоть.

— Выходи, Морева.

Она пошла. Ноги не слушались. Она шла по коридору, держась за живот. Ребёнок забился — сильно, тревожно.

— Тише, тише, — шептала она.

А потом резко остановилась. По ногам потекла вода. Тёплая. Мокрая.

— Отошли воды, — сказала она конвойной. Голос спокойный, чужой. — Две недели раньше. Нужно в роддом.

* * *

Она родила через четырнадцать часов.

Мальчика. Крошечного, смурного, с чёрными волосиками. Он кричал громко, требовательно, как будто уже в этом мире был готов бороться за своё место.

Ей дали подержать его пять минут. Она прижала к груди, поцеловала в лоб, пересчитала пальчики на руках и ногах.

— Роман, — сказала она тихо. — Ты мой Рома. Ты будешь сильным. Ты будешь свободным. Я тебя вытащу отсюда. Обещаю.

Ребёнка забрали. Отправили в детский дом при тюрьме. Навещать можно было раз в неделю.

Она ждала.

Каждый день она думала — сейчас придёт Игорь. Сейчас её вызовут. Сейчас начнётся ад. Но дни шли, недели тянулись, а он не появлялся.

Она перестала спать по ночам. Вслушивалась в шаги в коридоре. Каждый лязг замка заставлял сердце пропускать удар.

Но никто не приходил.

И каждую ночь, когда в коридоре было тихо, она шептала:

— Спасибо. Спасибо. Спасибо.

Небесам. Судьбе. Алисе, если она там, наверху, видит и просит своего Игоря не мучать её.

Она не знала, почему он не пришёл. Может, смирился. Может, простил. Может, нашёл другую цель. Может, его отец прижал — старый, властный, который не одобрял такой жестокости.

Она не знала. И не хотела знать. Она просто благодарила каждую ночь и засыпала с мыслью о Роме.

* * *

Мама приходила раз в две недели. Всегда с красными глазами. Всегда с дрожащими губами.

— Ирочка, — плакала она в телефонную трубку. — Ирочка, как ты здесь? Как ты? Я не вывожу. Я по ночам не сплю.

— Мам, хватит, — говорила Ира. Голос твёрдый, старше своих лет. — Не смей долго плакать. Держись. Работай. Не думай об этом.

— Как я могу не думать? Ты моя дочь. Единственная.

— Думай о Роме. О внуке. Он вырастет, и мы выйдем. Но для этого нужно, чтобы ты держалась. Продавай пирожки в нашем магазине. Копи деньги. Нам нужно выкупить дом и магазин, помнишь? Я тебе говорила.

Мама кивала, вытирала слёзы, обещала держаться. А на следующей неделе приходила снова с красными глазами.

Ира перестала злиться. Просто брала её за руку через стекло и шептала:

— Всё будет хорошо, мама. Вот увидишь. Всё будет хорошо.

* * *

Прошло ещё шесть месяцев.

Роме полгода. Он уже улыбался, гулил, узнавал её на редких свиданиях. Тянул к ней ручки через стекло, и у неё разрывалось сердце.

Она подала апелляцию. Четвёртую. Её снова отклонили.

А потом — Ник.

Он пришёл не один. С комиссией. Трое мужчин в строгих костюмах. Они задавали вопросы, записывали, кивали.

Она смотрела на Ника. Он выглядел старше. Уставшим. Под глазами — тени. Он не поднимал на неё глаз.

— В чём дело? — спросила она у конвойной после.

— Комиссия по досрочному освобождению, — сказала та. — Будут решать, снимут ли тебе срок за примерное поведение и наличие ребёнка.

Ира не поверила своим ушам.

— И часто такое бывает?

— Редко. Но иногда.

Она вернулась в камеру. Села на нары. Положила руку на пустой живот — привычка, от которой не могла избавиться.

— Рома, — прошептала она. — Может, мы скоро увидимся.

Она не сказала конвойной, что сама просила Ника не приходить. После того раза, когда Игорь пригрозил стереть его в порошок, она позвонила ему через адвоката: «Не приезжай. Если он узнает, что ты меня навещаешь, он убьёт тебя или меня. Не надо».

Ник не приезжал. А потом приехал с комиссией.

Она не знала, что он приехал не для неё. Он приехал потому, что боялся. Потому что Игорь мог узнать, что он пытался её вытащить. И тогда — всё. Но если комиссия снимет ей срок — Игорь будет доволен? Или нет? Она не знала.

Она приняла один факт: она спасёт отца своего ребёнка. Чтобы им — Нику и Роме — было легче жить. У Ника была работа, зарплата, квартира. У неё — копейки от преподавания танцев в местном клубе. Тысяч десять в месяц. Этого не хватит даже на памперсы.

Рома должен жить с отцом. И с бабушкой. А она... она отсидит. И выйдет. Когда-нибудь.

Она смирилась.

Сокамерницы изменились. Те, первые, кто избил её — их перевели в другую камеру через месяц. Новые — другие. Одна, тётя Зина, пятидесятилетняя, сидела за кражу — украла продукты, потому что нечего было есть. Другая, Марина, молодая, посадили за мошенничество — доверилась не тому парню.

Ира подружилась с ними. Делилась передачами от мамы. Рассказывала про Рому. По ночам, когда не спалось, они болтали шёпотом — о прошлом, о мужчинах, о том, что будет, когда выйдут.

— Ты выйдешь, Ирка, — говорила Марина. — Молодая, красивая, дочь есть. Ещё танцевать будешь.

— У меня сын, — улыбалась Ира.

— Сын тем более. Вырастишь. Всё будет хорошо.

Ира кивала. Но глубоко, там, где не показывала никому, она знала — хорошо не будет. Потому что он всё ещё был там. Игорь. Он ждал. Она чувствовала.

Но каждую ночь она благодарила небеса, что он не приходит.

И засыпала. С молитвой о Роме.

Глава 7

Глава. Ник. Тот, кто боится.

Ник не спал по ночам.

Это началось не сразу. Сначала он думал — пройдёт. Ну, понервничает месяц, другой, и отпустит. Не отпустило. Стало только хуже.

Он лежал в темноте своей холостяцкой квартиры на двадцатом этаже, смотрел в потолок и слушал. Каждый шорох за дверью казался шагами. Каждый скрип половицы в коридоре — чужим дыханием за дверью. Он вставал по нескольку раз за ночь, подходил к двери, смотрел в глазок. Там никого не было. Но он всё равно не верил.

Он боялся Игоря.

Не просто боялся — он леденел при одном упоминании этой фамилии. Он видел его глаза в той комнате, когда Игорь положил на стол папку с деньгами. Видел его спокойное, равнодушное лицо, когда тот говорил: «Или вы сажаете её на максимум, или я сажаю вас за получение взятки». Он тогда подумал: «Этот человек не шутит. Этот человек сотрёт меня в порошок и даже не поморщится».

А потом Игорь узнал про беременность Алисы от него. И Ник понял — он не просто боится. Он в смертельной опасности.

Каждую ночь Ник прокручивал в голове одно и то же. Та ночь. Дождь. Бочка. Девушка на обочине. Он вышел из машины — Ира сидела рядом на пассажирском, закрыв лицо руками, и кричала: «Кого-то сбили? Там кто-то был?» А он посмотрел. Видел. Увидел тело на асфальте. И понял, что если сейчас признается — всё. Карьера, будущее, репутация. Его посадят. Он станет никем.

Поэтому он вернулся в машину, взял Иру за плечи и сказал твёрдо: «Успокойся. Это бочка. Просто бочка. Никого нет». Она поверила. Она всегда ему верила.

А он уехал. Оставил её умирать. На дожде. На холодном асфальте.

Теперь он каждую ночь просыпался в холодном поту, потому что ему снилось её лицо. Мёртвое лицо Алисы. И глаза Игоря, которые смотрели на него сквозь сон.

Он уничтожил все улики. Машину — ту, на которой он был за рулём — он продал на запчасти через подставное лицо. Следы шин на месте ДТП. Дождь смыл. Камеры? Он проверил — та секция трассы была слепой зоной. Ни одной камеры на три километра. Только одна бензоколонка, но та в другой стороне.

Он был чист. Он должен был быть чистым. Но он не чувствовал себя чистым. Он чувствовал себя мышью, которая бежит по полу, а сверху, с потолка, на неё смотрит кот. И ждёт. Играет. Наслаждается страхом.

«Беременную он не тронет», — успокаивал себя Ник. — «Он же сказал — ребёнок не при чём. Он не тронет её, пока она носит. Значит, у меня есть время».

Но время работало не на него. Каждый день, каждую неделю Ира оставалась в тюрьме. Каждый день Игорь мог передумать. Каждый день кто-то мог проболтаться. Каждый шаг на улице — Нику казалось, что за ним следят.

Чёрная машина у дома. Он запоминал номера. Проверял через знакомых. Ничего. Обычные машины. Просто припарковались. Но на следующую ночь он всё равно не спал.

Незнакомый номер звонит — сердце ухает в пятки. Оказалось, реклама. Но он минуту отходил.

Секретарша говорит: «Вас спрашивал какой-то мужчина, не представился». Ник бледнеет, идёт выяснять — оказывается, курьер приносил документы.

Он сходил с ума. Но держал лицо. На работе — улыбка, рукопожатия, уверенный голос. «Да, конечно, я подготовлю дело. Нет, никаких проблем. Всё под контролем».

Они не знали, что у него внутри — трясина.

С каждым месяцем он всё сильнее ненавидел Иру. За то, что она молчала. За то, что не выдала его. За то, что сидела и не жаловалась. За то, что родила его ребёнка и не требовала ничего.

Он ненавидел её покорность. Её веру. Её глупые, наивные глаза, когда она смотрела на него через стекло.

«Почему ты не сказала ему? — думал он ночами. — Почему ты просто не раскололась? Сказала бы, что это я был за рулём. И всё. Мне конец. Но она молчит. Она меня покрывает. Она... любит меня до сих пор».

И от этого становилось ещё тошнее.

Его карьера шла в гору. Год — не маленький срок. За это время он успел обрасти нужными связями. Прокуроры, судьи, адвокаты. Люди, которые решают. Он умел уболтать любого. Это был его талант. Он говорил, и люди верили. Улыбался, и люди расслаблялись. Протягивал руку, и люди не видели за ней ножа.

Ира была его единственным минусом. Единственной занозой, которую нельзя было вытащить. Ребёнок — второй минусом. Маленьким, который когда-нибудь вырастет и спросит: «Папа, а почему ты не спасал маму?»

Ник не хотел думать об этом.

* * *

Тот приём.

Это был ежегодный ужин в честь дня логиста. Стекланный зал, хрустальные люстры, фракы, вечерние платья, шампанское рекой. Собралась вся элита города. Игоря не было — он редко появлялся на таких мероприятиях, предпочитал тишину кабинета. Зато был его отец. Старый, властный, с седыми висками и цепким взглядом.

Ник стоял у стены с бокалом, делал вид, что наслаждается вечером, а сам сканировал зал. Кто с кем говорит. Кто кому улыбается. Какие союзы заключаются.

И тут он увидел её.

Девушка сидела в углу за столиком. Одна. Красивая — тёмные волосы, большие глаза, тонкие черты лица. Платье длинное, в пол, белая, из дорогой ткани. Она смотрела на танцующие пары и улыбалась — грустно, отстранённо.

Ник не сразу понял, что в ней не так. А потом увидел. Когда она встала, чтобы поправить стул — одна нога была длиннее другой. Совсем немного, на пару сантиметров, но этого хватало, чтобы походка была заметной. Хромота. Не уродливая, но заметная.

Она села обратно. Поправила юбку, чтобы скрыть. И снова уставилась на танцпол.

Ник спросил у официанта:

— Кто эта девушка?

— Сестра Игоря Сергеевича, — ответил тот. — Вера Сергеевна. Редко бывает на приёмах. Обычно сидит дома.

Ник замер.

Сестра Игоря.

Он смотрел на неё. На её одинокий столик. На её грустные глаза. На то, как она крутит в пальцах бокал с соком — не пьёт шампанское, потому что не с кем.

«Она жаждет любви, — понял Ник вдруг. — Она жаждет внимания. Ей не хватает того, что есть у других. Мужчины. Ухаживаний. Хотя бы просто чтобы кто-то подошёл».

Мысль проскочила. Быстрая, грязная, циничная.

«А если я подойду? Что, если я... что, если она станет моей женой? Тогда Игорь не тронет меня. Он не сможет. Я буду мужем его сестры. Он не тронет отца её детей. Даже если узнает правду... хотя нет, лучше чтобы не узнал. Но даже если — он не переступит через семью».

Ник сглотнул. Горло пересохло. Мысль была безумной. Но чем дольше он смотрел на Веру, тем более реальной она казалась.

Она сидела одна. Никто не подходил к ней. Её инвалидность пугала мужчин. Или — не пугала, но делала её невидимкой. А она хотела быть замеченной. Он видел это по её глазам, по тому, как она смотрела на пары, как облизывала губы, когда какой-нибудь мужчина приглашал на танец свою даму.

Ник поставил бокал. Поправил пиджак. Улыбнулся — своей лучшей улыбкой, той, которая открывала любые двери.

И поднял бокал в её сторону.

Через весь зал. Неспешно. Чтобы она заметила.

Она подняла глаза. Увидела его. Сначала удивилась — кто этот молодой человек, который смотрит на неё? Потом смутилась — опустила глаза, поправила волосы. Потом снова посмотрела.

Ник улыбнулся шире. Подмигнул. Медленно, почти по-свойски.

Она покраснела.

— Идиот, — прошептал он себе под нос. — Ты идиот. Ты играешь с огнём.

Но ноги уже несли его к её столику. Потому что у него не было выбора. Ира — её ребёнок — Игорь — страх — всё это сжимало горло. А Вера была соломинкой. Единственной.

Он подошёл, остановился напротив, чуть склонил голову.

— Добрый вечер, — сказал он мягко. — Вы здесь одна? Можно составить вам компанию?

Вера подняла на него глаза. В них была надежда. Такая открытая, такая наивная, что Нику на секунду стало стыдно.

Но он задавил стыд. Как задавил всё остальное.

— Конечно, — сказала она тихо. — Садитесь.

Ник сел напротив. Улыбнулся. Протянул руку.

— Меня зовут Ник. Я прокурор.

— Вера, — она пожала его руку. Пальцы у неё были тонкие, чуть влажные. — Очень приятно.

— Взаимно, — сказал Ник. — Взаимно.

Он смотрел на неё и думал: «Прости, Ира. Но так будет лучше для всех. Для тебя. Для Ромы. Для меня. Я спасусь. А ты... ты когда-нибудь поймёшь».

Вера улыбнулась ему. Доверия. Тепло. Она ещё не знала, что сидит напротив человека, который только что продал её в мыслях. Человека, который боялся её брата больше, чем самого дьявола.

Ник заказал шампанское на двоих. Поднял бокал.

— За знакомство, — сказал он.

— За знакомство, — повторила Вера.

Они чокнулись. Ник пил и чувствовал, как страх отступает. Сменяется другим — холодным, расчётливым, опасным.

Он сделал первый шаг. Обратной дороги не было.

Глава 8

Глава. Рома.

Ему было семь месяцев. Семь месяцев жизни, которые она видела урывками — через стекло, по пятнадцать минут раз в неделю. Но эти пятнадцать минут были всем.

Она прижимала ладони к стеклу, а он, Рома, по ту сторону, тянул к ней ручки. Маленькие, с ямочками на костяшках. Он улыбался беззубым ртом, гулил, требовал, чтобы её руки оказались рядом. Хоть через стекло. Хоть так.

— Ромочка, — шептала она. — Рома мой. Хороший мой. Красивый.

Он был очень хорошенький. Светлые волосики, как у неё в детстве. Глаза большие, серые — её мамины. Щёчки круглые, румяные. Когда он улыбался — весь мир замирал.

Она пыталась улыбаться ему в ответ. Всегда. Даже когда ночью не спала. Даже когда били в камеру. Для Ромы она улыбалась.

— Мама скоро выйдет, — говорила она. — Скоро. Потерпи немножко, маленький.

Он не понимал слов. Но он чувствовал её голос. Пел по-своему вместе с ней. Смеялся.

Эти пятнадцать минут в неделю были её кислородом.

* * *

Мать — её мама, бабушка Ромы — приходила в детский приют при тюрьме каждую неделю. Иногда чаще, если удавалось договориться с надзирателями.

Она приносила игрушки — мягкие зайцы, погремушки, книжки с картинками. Вязала носки — тёплые, шерстяные, с синими полосками. Шапочки, пинетки, жилетки. Рома утопал в её заботе.

— Он же мой внук, — говорила мать Ире через стекло. — Кровь моя. Я его выращу, дождусь тебя.

Она хотела усыновить Рому. Забрать из приюта, увезти к себе, в свой маленький дом, где пахло пирогами и старыми книгами. Она подала заявление. Ей отказали.

— Бабушке нельзя усыновить внука, пока мать жива, — объяснил социальный работник. — Имеете право только на опеку, но с судимостью дочери... сложно.

Мать рыдала в телефонной трубке. Ира сжимала зубы.

— Не плачь, мама. Ты навещаешь его. Ты с ним. Это главное.

Мать кивала, вытирала слёзы, а на следующий день снова шла в приют. Играла с Ромой. Кормила с ложечки. Гладила по головке. Любила его больше, чем когда-то любила дочь — потому что внука нужно было спасать. А дочь уже не спасти.

* * *

Первая неделя без сына.

Ей не разрешили прийти на свидание.

— Мальчик заболел, — сказала дежурная по приюту. — Лёгкая простуда. Не волнуйтесь.

Ира не поверила. Но спорить не стала. Может, правда простуда. С кем не бывает. Подождала следующую неделю.

Снова отказ.

— Ещё болеет. Температура.

— Я хочу его видеть! — закричала она. — Пустите меня к нему! Я мать!

— Не положено. Режим карантина.

Она жаловалась начальнику тюрьмы. Тот развёл руками. Она просила, умоляла, плакала. Стояла на коленях перед женщиной в погонах, которая ведала детским приютом.

— Пожалуйста, — шептала она. — Пожалуйста, пустите меня. Я только посмотрю на него. Издалека. Через стекло. Я сразу не принесу. Я стерильной буду. Умоляю.

Ей отказали.

Она связала носки. Тёплые, синие, с белыми снежинками. Связала шапку с помпоном. Связала жилетку — мягкую, пушистую, из ангорки, которую мама передала через передачу.

— Передайте ему, — сказала она надзирательнице, протягивая пакет. — И наденьте на него. Пусть он будет в моём. Согреется.

— Передадим, — сказали ей.

Она не знала, передали ли. Не знала, надели ли. Не знала, видит ли он эти вещи, чувствует ли её тепло.

* * *

Вторая неделя без сына.

— Ребёнка забрали в городскую больницу, — сказали ей. — Состояние тяжёлое.

Ира не выдержала.

— Дайте мне телефон, — сказала она надзирательнице. Голос чужой, железный. — Это просьба матери, у которой сын при смерти.

Дайте телефон.

Ей дали.

Она набрала номер Ника. Пальцы дрожали. Гудки. Длинные, бесконечные.

— Алло? — его голос. Спокойный. Рабочий.

— Ник, — она всхлипнула. — Ник, это Ира.

— Ира? Что случилось?

Она не могла говорить. Слова застревали в горле, рвались наружу, путались, рассыпались.

— Сын... мой сын... Рома... его забрали... в больницу... он болеет... две недели... меня не пускают... Ник, помоги... умоляю тебя... помоги...

Она рыдала. В голос. Не скрываясь. Слезы текли по щекам, капали на телефон, на её трясущиеся пальцы.

— Пожалуйста, Ник... я не знаю, что с ним... мне никто не говорит... они скрывают... умоляю... сделай что-нибудь...

Ник молчал секунду. Потом сказал:

— Ира, успокойся. Я всё улажу. Я позвоню в больницу. Я узнаю. Я решу. Не переживай. Дыши. Слышишь? Дыши.

— Он... он маленький... он всего семь месяцев... он без меня...

— Я сказал — успокойся, — голос Ника стал жёстче. — Я всё сделаю. Ты мне веришь?

Она замерла. Она уже верила ему. В ту ночь, когда он сказал, что на дороге была бочка. В зале суда, когда он обещал вытащить. В комнате для свиданий, когда он клялся, что борется за неё.

Но сейчас у неё не было никого. Только Ник.

— Верю, — прошептала она.

— Жди. Я позвоню.

Он повесил трубку.

Ира стояла, прижимая мёртвый телефон к уху, и тряслась. Вся. С головы до пят. Она не могла спать. Не могла есть. Баланда стояла перед ней — серая, жидкая, противная — а она смотрела на неё и не могла сделать глоток.

Стены давили. Каменные, холодные, бесконечные. Она задыхалась в этой камере, в этом здании, в этой жизни, которая превратилась в ад.

— Рома, — шептала она ночью в темноту. — Ромочка, держись. Мама идёт. Мама скоро.

* * *

Лязг двери.

Он был тяжёлым. Таким тяжёлым, что она подскочила на нарах.

— Морева, на выход, — надзирательница смотрела хмуро, отстранённо.

— К сыну? — спросила Ира, вставая. — Меня везут к сыну?

— Иди, не разговаривай.

Ира пошла. Сердце колотилось — надеялась. Думала — Ник сделал. Договорился. Пробыл. Сейчас её посадят в машину, отвезут в больницу, и она увидит Рому. Возьмёт его на руки. Прижмёт к груди. Скажет: «Мама здесь, маленький, мама рядом».

Но её повели не к выходу. Поворот. Ещё поворот. В другую сторону. Не к воротам — вглубь.

— Куда мы? — спросила Ира. Голос тонкий, испуганный. — Куда вы меня ведёте?

— К начальнику тюрьмы.

Ира остановилась. Ноги перестали слушаться.

— Зачем?

— Иди, я сказала.

Ира пошла. Каждый шаг давался тяжело. Воздух кончился. Она дышала ртом, но воздуха всё равно не хватало.

Кабинет начальника. Дверь открыта. За столом сидит мужчина в форме — толстый, с красным лицом, с бляхами на груди. Рядом стоит врач в белом халате — тоже из тюремной больницы.

— Садитесь, Морева, — сказал начальник.

Она не села. Стояла у двери, вцепившись в косяк.

— Где мой сын?

Начальник посмотрел на врача. Врач опустил глаза. Начальник вздохнул. Откашлялся.

— Морева... Ирина... у меня для вас тяжёлая новость.

— Нет, — сказала Ира. — Не надо. Не говорите.

— Ваш сын... Роман... умер.

Тишина.

Оглушительная. Бесконечная.

— У него было генетическое заболевание, — продолжал врач. Голос откуда-то издалека. — Врождённый порок сердца. Мы не могли диагностировать раньше... симптомы проявились только на седьмом месяце... Мы боролись, но... не смогли спасти.

— Нет, — повторила Ира.

Она не чувствовала ничего. Тело стало чужим. Руки — ватными. Ноги — не её.

— Мы приносим свои соболезнования...

— НЕТ!

Она закричала — но звука не было. Или был, но она не слышала. В ушах шумело. Перед глазами всё поплыло. Стены качнулись. Потолок поплыл куда-то в сторону.

А потом — темнота. И удар. Она ударилась головой об пол и провалилась в чёрную, глубокую, тихую пустоту.

* * *

Она очнулась в палате.

Белый потолок. Белые стены. Запах лекарств. Капельница в руке. Кто-то рядом — женщина в белом халате.

— Ира? — голос тихий, осторожный. — Ира, вы меня слышите?

Ира моргнула. Глаза слипались. Голова гудела. Она попыталась сесть — не получилось. Руки не слушались.

— Где я?

— Вы в тюремной больнице, — врач проверила пульс, пощупала лоб, заглянула в зрачки. — Вы были без сознания четыре дня.

Четыре дня. Ира не поняла. Потом — как молния — воспоминание ударило в грудь. Начальник. Врач. Слова. «Ваш сын... умер».

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет, нет.

— Ира, — врач взяла её за руку. — Пожалуйста, успокойтесь.

— Подождите! — Ира села, резко, дёрнулась, потянулась к врачу. — Приведите ко мне сына. Рома. Где мой сын? Приведите его, пожалуйста. Доктор, умоляю вас. Приведите.

Голос срывался. Слёзы текли — но она не плакала. Ещё не могла. Тело отказывалось верить.

— Он спит? Он болеет? Я поняла. Я подожду. Я просто посмотрю на него. Издалека. Через стекло. Пожалуйста.

— Ира...

— ПРИВЕДИТЕ МОЕГО СЫНА!

Она попыталась встать, но ноги подкосились. Врач нажала на кнопку вызова — вошли две медсестры, держат, укладывают обратно на койку.

— Пустите меня к сыну! — кричала Ира. — Пустите! Я мать! Я хочу к нему!

Она билась в руках медсестёр, царапалась, кусалась. Ничего не видела перед собой — только Рому. Маленького. Светловолосого. С улыбкой без зубов.

— РОМА! РОМОЧКА! МАМА ИДЁТ!

Медсестры держали крепко. Врач сделала укол. В вену. Что-то тяжёлое, холодное поплыло по телу. Сила уходила.

— НЕТ! — Ира уже не кричала — выла. — НЕ НАДО! НЕ УСЫПЛЯЙТЕ МЕНЯ! ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ЖИВЫХ! Я ХОЧУ К НЕМУ!

Она рванулась. Сбросила одну медсестру. Вскочила. Побежала к двери.

— ПУСТИТЕ МЕНЯ К СЫНУ! ПУСТИТЕ!

Она успела добежать до двери. Упала на колени. Забарабанила кулаками по железу.

— НИК! НИК, ПОЖАЛУЙСТА! СКАЖИ, ЧТО ЭТО НЕ ПРАВДА! НИК, УМОЛЯЮ! ПРИДИ СЮДА! НИИИИИИК!

Дверь не открылась.

А потом она провалилась. Снова. В темноту. В тишину. В никуда.

* * *

Она снова открыла глаза.

В палате было темно. Лампочка под потолком едва горела — жёлтым, тусклым, почти мёртвым светом. Тишина. Только капельница капала — мерно, бесконечно.

Она лежала и смотрела в потолок. Тело не болело. Оно вообще ничего не чувствовало.

И вдруг — лицо.

Маленькое. Родное. Светлые волосики, серые глаза, пухлые щёчки. Рома улыбался ей. Тянул ручки. Гулил.

— Ма-ма, — говорил он. — Ма-ма.

Ира потянулась к нему. Протянула руки. Но стекло было везде. Она не могла дотянуться. Не могла коснуться.

Она не знала, сон это или явь. И не хотела знать. Она просто смотрела на лицо сына и вдруг вспомнила.

Ту ночь. Дождь. Девушку на обочине.

Мать той девушки — она, наверное, тоже стояла у постели. Смотрела на лицо дочери и не могла дотянуться. Не могла вернуть.

Ира закрыла глаза. И прошептала в темноту:

— Простите меня.

Слёзы текли по щекам. Тихие, горячие, бесконечные.

— Я даже не знаю, как вам тяжело. Простите меня. Я не хотела. Я не знала.

Её тело трясло. Крупная дрожь сотрясала плечи, руки, живот. Но она не издавала звуков. Только стоны вырывались из груди — глухие, животные, потому что сил на крик уже не было. Никто не услышит. Никто не придёт.

— Простите, — шептала она снова и снова. — Простите. Простите.
За Рому. За Алису. За себя. За всё, что нельзя вернуть, исправить, забыть.
Она лежала в темноте и просила прощения у тех, кто не мог её слышать.
И никто не ответил.

Глава 9

Семь месяцев он не появлялся в её жизни.

Не потому что не знал, что она родила. Ему докладывали. Папка приходила раз в месяц — тонкая, серая, без лишних слов. Он открывал её по ночам, когда никто не видел. Читал.

«Морева Ирина. 23 года. Срок беременности — 36 недель. Роды преждевременные — 34 недели. Мальчик. Вес 2400. Назвала Романом».

Он закрывал папку. Убирал в ящик. Не думал. Старался не думать.

Следующая: «Ребёнок переведён в детский дом при учреждении. Морева посещает его раз в неделю. По заключению психолога — эмоционально привязана, стабильна, нарушений не выявлено».

Он переворачивал страницу. Отчёт о её поведении в камере. Сколько раз избили заключённые. Четыре. Дважды в первые месяцы, потом поутихло. Сколько раз вызывали санчасть. Три. Сколько раз она плакала по ночам — соседки по камере жаловались, но у неё не спрашивали, он сам добавил этот пункт в папку.

Она не жаловалась. Не билась в истериках. Не просилась на свидание. Просто сидела. Работала — преподавала танцы в тюремном клубе, платили копейки. Переписывалась с матерью. Плела из бисера фигурки — продавала, деньги копила на дом.

Она выживала. Как могла.

Игорь читал эти отчёты по ночам, и внутри него что-то шевелилось. Он не называл это жалостью. Жалость была для слабых. Он не был слабым. Но он понимал. Понимал эту тихую борьбу человека, у которого отняли всё, а он всё равно встаёт по утрам.

Потом отец заболел.

Старый Сергей Петрович — тот, кто построил империю, кто рулил всем сорок лет — слёг. Инсульт. Парализовало левую сторону. Говорил плохо, ел через трубочку, смотрел в потолок и плакал, когда думал, что никто не видит.

Игорь взял всё на себя. Контракты, переговоры, суды, поставки, склады, таможня. Он не спал по ночам не потому что думал о ней — потому что работал до утра. Он не мог вырвать даже пару часов, чтобы съездить в тюрьму. Не потому что не хотел. Потому что не мог.

Но папки продолжали приходить.

И сегодня он открыл очередную.

«Ребёнок Моревой И. — Роман — умер. Диагноз: врождённый порок сердца. Седьмой месяц. Реанимация не помогла. Похороны за счёт учреждения».

Игорь читал эти строки несколько раз. Перечитывал. Буквы не менялись. Слова оставались теми же.

«Морева И. без сознания четвёртые сутки. Ударилась головой при падении. Лёгкое сотрясение. В сознание не приходит. Психиатр предположил реактивный ступор».

Он закрыл папку.

Семь месяцев он не появлялся в её жизни. Не потому что простил. Нет. Он не простил. И никогда не простит. Он ждал. Ждал, когда родит, когда восстановится. Чтобы продолжить. Он хотел видеть её боль каждый день. Хотел, чтобы она знала — он не забыл. Ничего не забыл.

Но сейчас...

Он сидел в кресле, смотрел на папку, и внутри что-то шевелилось. Нет, не жалость. Он не умел жалеть. Понимание.

Если бы он мог тогда — после звонка из морга, после того как узнал, что Алиса умерла с их ребёнком внутри — он бы тоже не проснулся. Он бы лёг и не встал. Зачем вставать, если не для кого?

Он понимал.

И это понимание было страшнее, чем если бы он её ненавидел.

Игорь взял телефон. Набрал номер тюремной больницы. Долго ждал.

— Алло? — голос врача — усталый, женский.

— Это Игорь Сергеевич. Как она?

— Вы по поводу Моревой?

— Да.

Врач вздохнула.

— Плохо, Игорь Сергеевич. Очень плохо. Сегодня приходила в себя на несколько минут. Но... — она запнулась. — Она потеряла себя. Я даже боюсь, что она так и сойдёт с ума. Она не воспринимает реальность. Говорит с кем-то. Просит кого-то.

Игорь молчал. Не знал, что сказать.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я позвоню ещё.

— Доброй ночи, Игорь Сергеевич, — сказала врач.

— Доброй.

Он уже хотел нажать отбой. Но не успел.

С того конца провода послышались голоса. Врач, наверное, положила телефон в карман халата — не повесила трубку, а просто убрала. А он не отключил. Сам не знал, почему. Просто не нажал кнопку.

И тогда он услышал.

— Ира, ты меня слышишь? — голос той же врачихи, только ближе, громче.

Тишина. Потом шорох. Потом дыхание — тяжёлое, прерывистое, с всхлипами.

— Ира, открой глаза. Ты в безопасности. Ты в больнице. Никто тебя не тронет.

Она плакала. Он узнал этот плач. Тихий, почти беззвучный, когда не остаётся сил даже на крик.

— Простите меня, — услышал он. Голос — тонкий, чужой, почти не её. — Простите меня. Простите. Простите. Я не хотела. Я не знала.

Она повторяла это снова и снова. Как молитву. Как заклинание. Как единственное слово, которое осталось в разбитом мире.

Игорь сглотнул. Тяжело. Горло свело судорогой.

— Простите, — шептала она там, за тысячи километров, за стенами, за бетоном, за решётками. — Простите меня.

Он отключил телефон. Но не убрал от уха. Сидел и слушал тишину, которая осталась после её голоса.

В кабинет постучали. Два раза. Коротко. Вошла она.

Елена. Невеста. В длинном платье, с идеальной укладкой, с идеальным макияжем. Холодная, красивая, чужая.

Она села напротив. Положила руки на стол. Посмотрела на него — требовательно, устало.

— Я всё это время молчала, — сказала она. — Но может, уже поженимся? Сколько можно, Игорь?

Он слышал её. Буквально — звуки долетали до ушей. Но смысл не проходил сквозь ту стену, которая выросла внутри него за последние минуты. В ушах всё ещё стоял её шёпот: «Простите меня. Простите».

— Игорь, ты меня слышишь? — Елена повысила голос. — Я с тобой разговариваю.

Он моргнул. Посмотрел на неё. Увидел её лицо — красивое, молодое, нетерпеливое.

— Не сейчас, — сказал он. — Я занят.

Он встал. Вышел из-за стола. Не взглянул на неё. Просто вышел.

— Игорь! — крикнула она в спину. Но он не обернулся.

* * *

Коридор. Лифт. Первый этаж. Охрана у двери кивнула. Он кивнул в ответ — не глядя.

— Гена, — сказал он водителю, который ждал у машины. — Поехали на могилу.

Геннадий — его верный человек, который работал с отцом ещё двадцать лет назад — не задал вопросов. Просто кивнул. Открыл дверь. Завёл мотор.

Машина тронулась в тишине. Игорь смотрел в окно. Город спал. Фонари размазывались в жёлтые полосы. Люди шли домой, в свои квартиры, к своим семьям, к своим детям.

А он ехал на кладбище.

Они приехали через час. Гена остался в машине — знал, что Игорь не любит, когда его видят таким.

Игорь шёл медленно. Аллеи, фонари, кресты, памятники. Он знал эту дорогу наизусть. Пятьдесят три шага от входа до её могилы.

Остановился. Посмотрел.

Памятник — чёрный гранит, её фотография в овале. Молодая, смеющаяся. Такая, какой он запомнил. Он не ставил цветов. Не приносил игрушек. Он просто стоял и смотрел.

Ветер шевелил сухую траву. Где-то каркала ворона — хрипло, навязчиво.

— Алиса, — прошептал он. Голос сел. — Что мне делать? У неё сын умер.

Тишина. Он помолчал. Собрался с мыслями.

— Я не могу её простить, — сказал он. — Не могу. Я смотрел на неё и хотел убить. Я душил её. Я поклялся, что уничтожу.

Он замолчал. Ворона каркнула снова.

— Но она и сама себя наказала, — продолжил он тихо. — Сильнее, чем я бы смог. Её сын умер, Алиса. Её маленький мальчик. Семь месяцев. Я слышал, как она просит прощения. В больнице. Сквозь телефон. Она лежит и шепчет «простите меня» в пустоту.

Он провёл рукой по лицу. Устало. Тяжело.

— И я не знаю, что делать. — Голос дрогнул. — Оставить её просто так не могу. Но и продолжать... продолжать не могу тоже. Потому что если я приду к ней сейчас, после того как её сын умер... я стану тем, кем никогда не хотел быть.

Он опустил голову. Смотрел на её фотографию.

— Что ты скажешь? — спросил он. — Скажи мне что-нибудь. Я не слышу тебя уже год. Я забыл твой голос, Алиса. Я забыл, как ты смеялась.

Ворона каркнула где-то далеко. Или не ворона. Или ветер. Или просто тишина, которая не умеет отвечать.

Игорь постоял ещё минуту. Потом развернулся. Пошёл к машине.

— Домой, Гена, — сказал он, садясь на заднее сиденье.

— Слушаюсь, — ответил Геннадий.

Машина тронулась. Игорь смотрел в окно на уходящее кладбище, на чёрные силуэты крестов, на луну, которая висела низко и холодно.

Он не знал, что делать. Никогда не знал.

Но одно он понял сегодня точно — он больше не хотел её смерти. Не потому что простил. Не потому что жалел.

Просто потому что услышал, как она шепчет «простите меня» в пустоту, и понял — она наказала себя сама. Сильнее, чем мог бы наказать он.

И это было страшнее любой мести.

Но и оставить просто так — не мог.

Машина въехала в город. Игорь закрыл глаза.

Доброй ночи, Ира, — подумал он. И сам удивился этой мысли.

Она не услышит. Но, может, это и не важно.

Глава 10

Прошёл ещё месяц.

Папка лежала на столе каждое утро. Гена приносил её тихо — клал на край, не поднимая глаз, и уходил. Игорь не просил. Гена знал сам. Верный человек. Понимал, что нужно.

Игорь открывал папку не сразу. Иногда через час. Иногда через день. Иногда она лежала нетронутой, а он просто смотрел на неё краем глаза и думал о другом. О контрактах. Об отце. О Елене, которая звонила каждый день и спрашивала, когда он наконец назначит дату свадьбы.

Но сегодня он открыл.

«Морева Ирина. Состояние — тяжёлое. Не принимает пищу. Потеря веса за месяц — 12 килограммов. Замкнута. Сидит на одном месте, смотрит в одну точку. Не разговаривает. Не отвечает на вопросы. Никого не узнаёт — включая мать».

Игорь читал. Перечитывал. Буквы плыли.

Двенадцать килограммов. За месяц. От человека, который и так весил немного, осталась только тень.

Она не притворяется. Он знал этот сценарий. Видел однажды — у партнёра по бизнесу, когда у того убили единственного сына. Человек просто выключился. Перестал есть, пить, говорить. Сидел и смотрел в стену, пока сердце не остановилось.

Она умирала. Не телом — телом она ещё дышала. Умирала там, где просыпается утром и решает, жить дальше или нет. Она решила — нет.

Игорь закрыл папку. Посидел. Потом встал. Надел пиджак.

— Гена, — сказал он водителю по внутренней связи. — Машину. Я поеду сам.

Гена не спросил куда.

Дорога заняла час. Игорь ехал молча. Не включил радио. Не думал. Просто смотрел на трассу и на редкие машины, которые обгоняли его или отставали.

Он хотел удостовериться. Не то чтобы он не верил докладам. Но бумага — это бумага. А живые глаза не обманут. Если она притворяется — он увидит. Если нет — он тоже увидит.

Он въехал на территорию тюрьмы. Охранник узнал, кивнул, пропустил без вопросов.

— Где она?

— В больничном крыле. Привести?

— В кабинет. Обычный. Без стекла.

Через двадцать минут её привели.

Игорь сидел за столом. В кабинете было тихо — никакого стекла, никакого телефона. Только стол, два стула и голые стены. Лампочка под потолком горела жёлтым, тусклым светом.

Дверь открылась. Конвойная ввела её под руку. Она не сопротивлялась. Шла, как кукла — ноги переступали, но голова смотрела прямо перед собой, не вниз, не вверх — в пустоту.

Оранжевый комбинезон висел на ней мешком. Раньше он был свободным — теперь стал огромным. Ключицы выпирали. Шея — тонкая, как у подростка. Лицо — бледное, серое, с тёмными кругами под глазами. Волосы тусклые, нечёсанные.

Она не знала, что нужно сесть. Остановилась посреди комнаты, чуть покачнулась. Конвойная подвела её к стулу, нажала на плечи — она села. Как мешок с костями.

— Снимите наручники, — сказал Игорь.

Конвойная посмотрела с сомнением.

— Снимите, — повторил он.

Наручники сняли. Она не потёрла запястья — не заметила.

Игорь смотрел на неё. Она смотрела куда-то вдаль — сквозь стену, сквозь него, сквозь время. Её глаза были открыты, но в них ничего не было. Ни страха. Ни ненависти. Ни надежды. Только пустота. Глубокая, чёрная, бездонная пустота.

Она не узнала его. Он видел. В её взгляде не мелькнуло ни тени узнавания. Тот же взгляд, которым она смотрела на стену, на свои руки, на лампочку под потолком. Он был для неё — никто.

Она опустила голову. Стала смотреть на свои руки. Тонкие, бледные, с синими венами. Пальцы лежали на коленях неподвижно — как мёртвые.

Игорь смотрел на её руки. Молчал. Тоже.

Минута. Другая. Третья.

Она ни разу не подняла глаза. Ни разу. Он смотрел на неё, а она сидела, опустив голову, и изучала свои пальцы. Или не изучала — просто смотрела в одну точку, как написано в папке.

В её глазах была пустота. Боль. Потеря. Такая огромная, что она заполняла всю комнату. Заполняла его. Игорь чувствовал, как она затекает в него — холодная, липкая, бесполезная.

И он поймал себя на мысли: «Я хочу, чтобы она оставалась такой навсегда».

Не потому что злой. Не потому что мстительный. Просто если она очнётся — придётся что-то делать. Придётся решать. Прощать или не прощать. Мстить или отпустить. А так — ничего не надо. Она сама себя наказала. Сильнее, чем он когда-либо смог бы.

Пусть сидит. Пусть молчит. Пусть смотрит в одну точку и не поднимает эти глаза больше никогда.

Он не знал, сколько прошло времени. Десять минут. Двадцать. Полчаса. Она не шевелилась. Он — тоже.

Потом дверь открылась. Конвойная зашла, посмотрела на Игоря, потом на неё.

— Время вышло, — сказала она.

Надела наручники. Ира подняла руки — послушно, механически, как заводная кукла, у которой кончился завод. Ни звука. Ни взгляда. Ни движения, которого она не получила бы команду.

Её вывели. Дверь закрылась.

Игорь выдохнул. Только сейчас понял, что не дышал последние минуты.

— Что я здесь делаю? — спросил он вслух. У самого себя. Стены не ответили.

Он сидел, смотрел на пустой стул напротив, на котором только что сидела девочка, убившая его Алису. Которая больше не была девочкой. Которая была тенью. Которую он хотел уничтожить — и уничтожил. Не руками. Не деньгами. Не приказами. Просто — обстоятельствами. Жизнью. Смертью её сына.

Телефон зазвонил резко, вырвал из мыслей.

Вера.

— Брат, ты занят? — её голос — весёлый, счастливый. Таким он не слышал её давно.

— Нет, — сказал он. — Говори.

— Ну, ты же хотел познакомиться с моим парнем? Вот я подумала, что этот день настал. Приезжай сегодня вечером.

Игорь закрыл глаза. Парень. У Веры — парень. Сестра, которая всегда была одна, всегда хромала, всегда сидела в углу на приёмах, наконец нашла кого-то.

— Хорошо, — сказал он. — Куда приехать?

Она назвала ресторан. Дорогой. Центральный.

— Буду ждать, — сказала она и отключилась.

Игорь убрал телефон. Посмотрел на дверь, куда вывели её. Туда, где за бетонными стенами, за решётками, за коридорами сидела женщина, которая смотрит в одну точку и не ест.

Он встал. Поправил пиджак. Вышел.

— Гена, — сказал он в машине в телефон. — Вечером у меня ужин.

— Понял, — сказал Гена.

— Я сейчас — домой. Будь там.

Машина тронулась. Игорь смотрел в окно на удаляющиеся стены тюрьмы. Серые. Холодные. Навсегда.

Он не знал, увидит ли он её снова. И хотел ли.

Но одно он понял точно — пустота в её глазах заполнила и его.

И он не знал, что с этим делать.

Игорь подъехал к ресторану ровно в восемь. Место дорогое, тихое, с приглушённым светом и белыми скатертями, на которых даже складок не бывает. Он бывал здесь раньше на переговорах. Хорошее место — не для шума, для разговоров.

Он вышел из машины, поправил пиджак. Гена остался ждать.

Внутри пахло деревом и дорогими духами. Метрдотель узнал его, кивнул, провёл к столику в глубине зала — подальше от окон, поближе к выходу. Игорь не просил — так привык. Видеть всё, оставаться незамеченным.

Вера уже сидела. Увидела брата, заулыбалась — широко, по-детски, той улыбкой, которую он не видел годами. Она выглядела счастливой. По-настоящему. Без своей обычной грусти, без потухших глаз, без попыток спрятать ногу под длинную юбку. Сегодня она надела короткое платье. Игорь заметил — и удивился. Она перестала стесняться.

— Игорь! — она встала, обняла его. Крепко. — Ты пришёл!

— Я сказал — приду, — он поцеловал её в макушку. — Где твой... парень?

— Пошёл в бар, заказать нам что-нибудь. Сейчас вернётся.

Игорь сел напротив. Оглядел зал. Пусто. Только пара столиков занята. В углу — какие-то бизнесмены с папками. У окна — парочка. Обычный вечер.

— Он очень хороший, Игорь, — зашебетала Вера. — Ты даже не представляешь. Добрый. Внимательный. Он работает в прокуратуре, представляешь? Такой серьёзный, но со мной — мягкий. И он...

— Вер, — перебил Игорь. — Ты его две недели знаешь.

— Не две недели конечно. Но а что такое две недели? — она обиженно надула губы. — Иногда и дня хватает, чтобы понять — это твой человек.

Игорь промолчал. Не хотел спорить. Видеть сестру счастливой — единственное, что ещё согревало его внутри.

— Ладно, — сказал он. — Посмотрим.

Вера улынулась. Схватила его за руку через стол.

— Спасибо, что приехал. Это много для меня значит.

Она хотела сказать что-то ещё, но в этот момент из бара вышел он.

Игорь поднял глаза. И замер.

Ник.

Тот самый прокурор. Молодой, холёный, с идеальной укладкой и дежурной улыбкой. Тот, кто вёл дело. Тот, кто просил для неё пять лет. Тот, кто сидел напротив Игоря в кабинете и трясущимися руками брал папку с деньгами.

Ник шёл к их столику, держа в каждой руке по бокалу. Не заметил Игоря сразу — смотрел на Веру. Улыбался ей. Той самой улыбкой — открытой, тёплой, которой умел улыбаться только когда хотел понравиться.

Потом перевёл взгляд на Игоря.

И замер.

Бокалы дрогнули в руках. Улыбка сползла.

Игорь видел, как он побледнел. Как побелели костяшки пальцев, сжимающих ножки бокалов. Как дёрнулся кадык — сглотнул.

— Знакомьтесь, — Вера не заметила ничего. — Это Игорь, мой брат. А это Ник, мой... мой...

Она запнулась, покраснела, не договорила.

— Мы знакомы, — сказал Игорь. Голос ровный, спокойный. — Пересекались пару раз по работе.

Ник поставил бокалы на стол. Медленно. Осторожно, как будто боялся разбить.

— Да, — сказал он. Голос — чужой, сиплый. — Пересекались. Здравствуйте, Игорь Сергеевич.

— Здравствуй, — ответил Игорь.

Вера смотрела то на одного, то на другого. Хлопала глазами.

— Вы правда знакомы? А почему вы не сказали?

— Не было повода, — ответил Игорь коротко.

Он смотрел на Ника. Тот сел рядом с Верой, положил руку ей на плечо. Жест собственный, но мягкий — заботливый. Игорь заметил, как сестра подалась к нему. Как её глаза засияли. Как она улыбнулась, когда он поцеловал её в щёку.

Вера сияла. Игорь не видел её такой никогда. Даже в детстве — когда отец покупал ей куклу, даже когда она поступила в университет — не было такого света в глазах.

И у него язык не повернулся сказать ей то, что он думал. Что Ник ей не пара. Что он что-то скрывает или ему кажется, что он скрывает. Что его улыбка — маска. Что он опасен.

Не повернулся. Потому что знал — если он сейчас скажет хоть слово, Вера не поверит. Или поверит — и возненавидит его. И останется одна. Снова. С хромой ногой и разбитым сердцем.

— Я сейчас, — сказала Вера, вставая. — Мне нужно в дамскую комнату. Вы тут поболтайте без меня.

Она ушла. Нарочно — Игорь понял. Хотела, чтобы они познакомились ближе. Глупая. Добрая. Наивная.

Игорь подождал, пока её фигура скроется за поворотом. Потом повернулся к Нику.

Взгляд — тяжёлый, давящий.

— Слушай меня, Ник, — сказал он тихо. — Ты мне не нравишься. Не понравился с самого начала. И сейчас — тем более.

Ник сжался. Но глаз не опустил. Сидел, смотрел на Игоря, и лицо его было бледным, но спокойным.

— Я не знаю, что ты задумал. Не знаю, зачем тебе моя сестра. Но я буду следить за тобой. Двадцать четыре на семь. Каждый твой шаг. Каждый звонок. Каждый взгляд в её сторону.

Он наклонился ближе. Голос стал тише, но тяжелее — как каток.

— Если ты обидишь мою сестру — ты знаешь, что я с тобой сделаю. Я сотру тебя в порошок. Даже не поморщусь.

Ник молчал. Секунду. Другую.

Потом его губы дрогнули. Не в страхе — в чём-то другом. Он посмотрел на дверь, куда ушла Вера. Потом снова на Игоря.

— Зачем мне обижать её? — сказал Ник. Голос мягкий, почти беззащитный. — Я впервые в жизни нашёл то, чего мне не хватало.

Игорь смотрел на него. Искал фальшь. Не нашёл. Или не хотел находить.

— Я предупредил, — сказал он.

— Я запомнил, — ответил Ник.

Вернулась Вера. Светлая, улыбающаяся. Села рядом с Ником, взяла его за руку.

— Всё хорошо? — спросила она, глядя на брата.

— Всё хорошо, — сказал Игорь. Встал. Поцеловал сестру в макушку. — Вам хорошего вечера. Мне пора.

— Брат, что-то случилось? — Вера смотрела встревоженно. В её глазах — беспокойство. За него. За них. За то, что он уходит так быстро.

— Нет, всё в порядке. Дела. Если что — звони.

Он посмотрел на Ника. Протянул руку. Не хотел — но протянул.

— Ник, — сказал он. Голос ровный, официальный. — Я надеюсь, она доберётся домой в безопасности.

— Конечно, — Ник пожал его руку. Крепко. Уважительно. — Даже не сомневайтесь.

Игорь заметил улыбку на лице сестры. Счастливую. Доверчивую. Она смотрела на Ника, как на подарок судьбы.

Он вышел из ресторана. Не оборачиваясь.

* * *

У Елены.

Игорь не хотел ехать к ней. Но поехал.

Гена молчал. Только спросил: «К Елене Сергеевне?» Игорь кивнул. Дорога заняла двадцать минут. Всё это время он смотрел в окно и думал о Вере. О её улыбке. О глазах, которые никогда так не сияли. О Нике, который сидел рядом и держал её за руку.

Елена встретила его у двери. В длинном халате, с распущенными волосами. Она улыбалась — мягко, по-домашнему, как никогда раньше.

— Игорь, — сказала она. — Проходи.

Он прошёл в гостиную. Сел в кресло. Елена села напротив. Смотрела на него выжидающе.

— Я подумал, — сказал он. — Мы поженимся через пять месяцев. Я уже записался в загс. Елена не удивилась. Кивнула. Улыбнулась шире.

— Хорошо, — сказала она просто.

Игорь встал. Собрался уходить.

— Ты уже уходишь? — спросила она.

— Да. Дела.

Он пошёл к выходу. И вдруг почувствовал её руки на своём плече. Она обошла его, встала напротив. Прижалась губами к его губам.

Игорь не двинулся. Стоял, как каменный. Не ответил. Не отстранился. Просто стоял и смотрел на неё.

Она отстранилась первая. Заглянула в глаза.

— Что это было? — спросил он. Голос холодный, чужой.

— Как что? — она растерялась. — Мы же женимся. Надо же с чего-то начать.

Игорь ничего не сказал. Вышел. Сел в машину.

Гена молчал. Ждал.

Игорь смотрел в лобовое стекло. На огни города. На людей, которые шли по своим делам, не зная, что у него внутри — пустота.

— Гена, — сказал он. — Почему жизнь становится только тяжелее? Почему я задыхаюсь?

Гена обернулся к нему. Посмотрел внимательно — как смотрит старый друг, который видел тебя и в грязи, и в крови, и в победных залах.

— Друг мой, — сказал Гена негромко. — Никто не обещал, что будет легко. Когда ты такой влиятельный человек...

— То есть я обязан тащить это до конца и задыхаться? — перебил Игорь. — Ты об этом?

Гена помолчал. Потом качнул головой.

— Нет. Вы можете тащить — и дышать.

Игорь не понял. Или не захотел понимать. Откинулся на сиденье, закрыл глаза.

— Поехали домой.

Гена завёл мотор. Но не тронулся сразу.

— Что ещё? — спросил Игорь, не открывая глаз.

— Вас пригласили сегодня на вечер открытия гостиницы. И ещё на мероприятие через два дня.

Игорь вздохнул. Открыл глаза. Посмотрел в потолок машины.

— Поехали, — сказал он устало. — Раз пригласили. Отмечусь и поедем домой.
Гена кивнул. Машина тронулась.

Игорь смотрел в окно. На убегающие фонари. На тёмное небо. И думал о том, что жизнь не становится легче. Она просто становится другой. А задыхаться или дышать — выбираешь сам.

Но он не умел выбирать. Он умел только тащить.

Глава 12

Машина мягко катила по ночному городу. Фонари размазывались в жёлтые полосы за окном. Игорь сидел на заднем сиденье, откинувшись в кресле, и смотрел в потолок. Гена вёл аккуратно, неспешно — знал, что хозяин не любит резких движений после тяжёлых дней.

Они отъехали от гостиницы минут десять. Игорь молчал. Гена — тоже. В машине работал только двигатель — ровно, убаюкивающе.

— Гена, — сказал Игорь. Голос ровный, усталый.

— Да, Игорь Сергеевич.

— Ненадо больше папку приносить.

Гена чуть повернул голову, не отрывая глаз от дороги.

— Что, простите? — переспросил он. Не расслышал. Или расслышал, но не поверил.

— Ненадо, говорю, — Игорь помолчал. — Больше папки приносить с тюрьмы. И им скажи об этом.

Гена молчал несколько секунд. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он коротко.

И больше не проронил ни слова.

Игорь смотрел в окно. На витрины магазинов, на редких прохожих, на парочку, которая стояла под фонарём и целовалась, не замечая никого вокруг. Обычная жизнь. Та, которая текла мимо него. Та, в которой он не участвовал.

Он перевёл взгляд на зеркало заднего вида. Увидел своё отражение — усталое, серое, с тёмными кругами под глазами. Он не узнавал себя в последнее время. Раньше он смотрел в зеркало и видел силу. Теперь — пустоту.

Он жил обычной жизнью. Без папок. Без отчётов. Без её лица, которое мерещилось ему по ночам. Он не наблюдал за ней. Не знал, ест ли она, спит ли, вышла ли из того ступора или так и сидит, смотря в одну точку.

Он ничего о ней не знал. И не хотел знать.

Вместо этого он наблюдал за Ником.

* * *

Две недели спустя.

Игорь нанял людей. Не из своей компании — посторонних, тех, кого Ник не мог бы вычислить. Они следили за ним двадцать четыре на семь. Докладывали каждый день.

Ник вёл себя безупречно.

Он встречался с Верой почти каждый вечер. Водил её в театры, в рестораны, на прогулки. Держал за руку. Покупал цветы. Разговаривал с ней часами — о чём, люди не могли разобрать, но Вера всегда возвращалась домой счастливая, сияющая, с покрасневшими щеками.

На работе Ник был образцовым прокурором. Никаких сомнительных связей. Никаких встреч в тёмных переулках. Только офис, суд, дом.

Игорь получал отчёты и не верил своим глазам. Он искал подвох. И не находил.

— Чист, — сказал ему начальник охраны. — Я не верю в такое, Игорь Сергеевич, но человек действительно чист.

Игорь хмыкнул. Чист. Никто не бывает чист. Просто умеет прятать.

Но Вера была счастлива. Игорь видел это каждый раз, когда она звонила ему — голос звонкий, радостный, почти девичий. Она рассказывала про Ника, про его шутки, про то, как он помог ей выбрать платье, как он смеётся, как он смотрит на неё.

— Игорь, он такой... он не замечает мою ногу, — сказала она однажды. — Понимаешь? Он просто не видит её. Он видит меня.

Игорь сжал трубку крепче. Хотел сказать: «Осторожнее, Вер. Не все люди такие, какими кажутся». Но сказал:

— Я рад за тебя.

Потому что не мог разрушить её счастье. Не имел права. Она ждала этого всю жизнь — чтобы кто-то полюбил её не за компанию, не за фамилию, не за деньги. А просто так. За её смех. За её глаза. За её душу.

Игорь не нашёл ничего на Ника. Ни одной зацепки. Тот вёл себя с Верой идеально — мягко, заботливо, внимательно. И это бесило Игоря больше, чем если бы он нашёл доказательства.

Потому что если Ник окажется подлецом — Вера разобьётся. А если он не подлец — тогда... тогда что? Тогда Игорь ошибался? Тогда Ник и правда хороший человек?

Он не хотел думать об этом.

* * *

Через месяц.

Вера позвонила в субботу утром. Игорь был в кабинете — разбирал бумаги, подписывал контракты. Отец лежал в больнице, дела шли тяжело, но он справлялся.

— Игорь, — голос Веры дрожал. Но не от боли — от счастья.

— Что случилось? — он напрягся.

— Ник сделал мне предложение. — Она всхлипнула. — Я согласилась.

Игорь замер. Ручка застыла в пальцах.

— Игорь? Ты слышишь?

— Да, — сказал он. — Слышу.

— Ты не рад?

Он закрыл глаза. Представил её лицо — счастливое, заплаканное, с этой её детской улыбкой, которая появлялась только когда она по-настоящему радовалась. Как в детстве, когда он привозил ей из командировок мягкие игрушки.

— Рад, Вер, — сказал он. — Конечно, рад.

— Ты придёшь на свадьбу?

— Приду.

Она засмеялась — звонко, легко. Поблагодарила, сказала, что любит его, и отключилась.

Игорь положил телефон на стол. Посмотрел на него. Потом на свои руки. Потом в окно, за которым серое небо смешивалось с серыми домами.

Ник сделал предложение. Вера согласилась.

Он не знал, что делать. Не хотел мешать сестре. Не хотел разрушать её счастье — единственное настоящее, что у неё было за последние годы. Но и смотреть, как она выходит замуж за человека, которому он не доверял, было выше его сил.

Он ничего не нашёл. Ничего. Абсолютно. Ник вёл себя с Верой безупречно. Заботился о ней. Дарил цветы. Водил по врачам — проверял ногу, узнавал про операции, предлагал лучших хирургов.

Игорь видел это. Видел, как сестра расцветает. Как она перестала прятать ногу. Как стала носить короткие юбки. Как улыбается прохожим.

Она была счастлива. По-настоящему. Впервые в жизни.

И он дал своё согласие.

Не потому что доверял Нику. А потому что доверял Вере. Если она видит в нём что-то хорошее — может, оно там правда есть. Может, Игорь ошибался. Может, Ник не тот, кем кажется.

А может, он просто очень хорошо умеет прятаться.

* * *

Через три дня.

Вера приехала к нему в офис. Сияющая, с кольцом на пальце — бриллиант, крупный, дорогой. Ник не поскупился.

— Мы не хотим тянуть, — сказала она. — Распишемся через неделю.

— Через неделю? — Игорь поднял бровь.

— А зачем ждать? — она пожала плечами. — Мы любим друг друга. У нас есть деньги, жильё, работа. Чего тянуть?

Игорь смотрел на неё. На её счастливое лицо. На кольцо, которое блестело при каждом движении. На глаза, в которых не было ни капли сомнения.

Она не спрашивала его мнения. Она сообщала. И это было правильно — она взрослая женщина. Сама принимает решения.

— Хорошо, — сказал он. — Через неделю так через неделю.

— Ты приедешь?

— Я сказал — приду. И скажу тост. Как старший брат.

Вера обняла его. Крепко-крепко, как в детстве, когда падала и плакала, а он поднимал её, отряхивал колени и говорил: «Не плачь, всё пройдёт».

— Спасибо, что не против, — прошептала она. — Я знаю, он тебе не нравится. Но дай ему шанс. Пожалуйста.

Игорь ничего не сказал. Только погладил её по голове.

Она ушла. Дверь закрылась.

Игорь остался один. Подошёл к окну. Посмотрел вниз — на машины, на людей, на жизнь, которая кипела за стёклами его кабинета.

— Дай ему шанс, — повторил он вслух. Усмехнулся.

Он не давал шансов. Он давал пощёчины. Но ради Веры — ради её счастья — он попробует. Хотя бы сделает вид.

Телефон зажужжал. Сообщение от Веры: «Ты лучший брат на свете. Люблю тебя».

Игорь посмотрел на экран. Не ответил.

Он смотрел в окно и думал о том, что через неделю его сестра выйдет замуж за человека, который сидел напротив него в кабинете и трясущимися руками брал папку с деньгами. За человека, который просил пять лет для неё.

За человека, который — Игорь был в этом уверен — что-то скрывает.

Но Вера счастлива. А ради её счастья он готов закрыть глаза.

Пока — готов.

А там посмотрим.

Глава 13

Зал был украшен белыми розами и нежным светом. Небольшой — только свои. Вера не хотела пышного торжества. Не потому что стеснялась, а потому что отец лежал в больнице, и она не чувствовала права веселиться в полную силу. Но и лишать себя этого дня не хотела. Слишком долго ждала.

Игорь сидел во главе стола. По правую руку — Елена. По левую — пустое место, которое он не предлагал занять никому.

Он смотрел на сестру. Она была прекрасна. Белое платье, скромное, без лишней пышности, с длинными рукавами. Волосы убраны в высокую причёску. На шее — жемчуг, бабушкин, тот самый, который она хранила годами для этого дня.

Вера улыбалась. Всем. Сразу. Нику, гостям, официантам, даже цветам в вазах. Она была счастлива — тем особенным, тихим счастьем, которое не нужно показывать. Оно само светилося изнутри.

Ник сидел рядом, держал её за руку. Тоже улыбался. Нежно, заботливо. Наклонился к ней, что-то шептал на ухо — она краснела, отворачивалась, смеялась.

Игорь наблюдал за ними весь вечер. Они казались счастливыми. По-настоящему. Он не видел фальши. Не видел наигранности. Только два человека, которые смотрели друг на друга так, будто вокруг никого не было.

Может, он ошибался. Может, Ник и правда любит её. Может, всё это время он просто искал врага там, где его нет.

Рядом Елена взяла его за руку. Положила свою ладонь поверх его. Жест — на показ. Чтобы гости видели: они вместе. Скоро поженятся. Всё правильно. Всё по плану.

Игорь не убрал руку. Но и не сжал в ответ. Он просто сидел и смотрел на стол. Ничего не чувствовал. Ни тепла. Ни холода. Просто — пустоту.

Елена иногда смотрела на него. Ждала ответа. Улыбалась — той же дежурной улыбкой, что и всегда. Он не понимал, зачем она это делает. Хочет внимания? Хочет показать, что у них всё хорошо? Или сама верит в то, что играет?

Он не спрашивал. Ему было всё равно.

Гости чокались, говорили тосты, смеялись. Вера с Ником танцевали медленный танец — он вёл мягко, осторожно, не сводя с неё глаз. Она прижималась к его плечу и закрывала глаза. Игорь видел, как шевелятся её губы — она пела песню, которая играла. Или просто говорила что-то ему.

Он перевёл взгляд на двери.

И замер.

В дверях стоял Гена.

В сером костюме, непривычно нарядный. Но лицо — напряжённое, серьёзное. Такое бывает только когда случилось что-то важное.

Игорь нахмурился. Гена сегодня отпросился. Сказал, что поедет к матери в другой город. Он не должен был быть здесь. Не должен был приходить в этот день, в этот час, в этот зал.

Но раз пришёл — значит, что-то случилось. Что-то, что не терпело отлагательств.

Игорь поднялся из-за стола. Елена посмотрела на него вопросительно, но он не объяснил. Подошёл к Вере, наклонился, поцеловал в макушку.

— Вер, я должен уйти. Дела по работе.

— Сейчас? — она огорчилась. — Но только начали...

— Извини, не могу отложить. Ты же знаешь.

Вера вздохнула. Кивнула. Поцеловала его в щёку.

— Хорошо. Но тост за тебя я скажу в любом случае. Придумаю что-нибудь обидное.

— Боюсь представить, — он слабо улыбнулся.

Ник поднял бокал, посмотрел на Игоря. В его глазах — ни тени насмешки. Только спокойная уверенность.

— Мы подождём, — сказал Ник. — Возвращайтесь.

Игорь ничего не ответил. Развернулся и вышел.

* * *

Машина уже ждала у входа. Гена сел за руль. Игорь — на заднее сиденье. Дверь закрылась, отрезая шум праздника.

— Говори, — сказал Игорь.

Гена завёл мотор, но не тронулся. Обернулся к хозяину.

— Она вышла сегодня из тюрьмы.

Игорь смотрел на него прямо. Без удивления. Без гнева. Только тяжёлый, давящий взгляд.

— Как? — спросил он тихо. — Как её могли выпустить?

Гена помолчал секунду. Собрался с мыслями.

— Вы хоть и говорили не следить за ней, Игорь Сергеевич, — начал он осторожно. — Но я... я позволил себе нарушить. Ездил сегодня к её матери.

Игорь молчал. Слушал.

— Сначала была больница. Инсульт. Женщина упала с балкона — потеряла равновесие. Соседи вызвали скорую. Врачи сказали — тяжёлая. После больницы её некуда было забирать. Дочь в тюрьме. Родственников больше нет. Вот и отправили в дом престарелых.

— Дом престарелых? — переспросил Игорь.

— Да. Там сейчас и живёт. Но состояние — хуже некуда. Склероз, понимаете? Не слушается никого. Дерётся с санитарками. С соседями. Её хотят перевести в психушку, но пока оформляют бумаги.

Гена помолчал. Потом добавил:

— Суд посчитал, что дочь нужна матери. И что сын умер — это уже наказание. Плюс хорошее поведение в тюрьме — она преподавала танцы, не нарушала. Дала подписку о невыезде. Условно-досрочное освобождение.

Игорь усмехнулся. Криво, зло. Откинулся на сиденье.

— Да ей самой нужен человек для ухода, — сказал он. — Как она справится? Мать, которая дерётся и никого не слушается. А она сама — тень после тюрьмы.

Гена молчал.

— Что, не согласен? — спросил Игорь.

— Согласен, — тихо ответил Гена. — Но суд решил иначе.

Игорь смотрел в окно. На вывеску ресторана, за которой осталась сестра. На небо, которое темнело, собирая тучи.

— Она одна? — спросил он.

— Что, простите?

— Она одна вышла? Или её встречали?

Гена помолчал. Потом сказал:

— Я не знаю. Я не стал ждать. Сразу поехал к вам.

Игорь закрыл глаза. Откинулся на сиденье.

— Поехали домой, Гена.

— А как же...

— Поехали, я сказал.

Гена кивнул. Машина тронулась.

Игорь сидел с закрытыми глазами и думал. Она вышла. Сегодня. В день, когда его сестра выходила замуж. Когда он сидел во главе стола и держал за руку холодную невесту. Когда Вера

улыбалась Нику и не знала, что её брат три года назад отправил человека в тюрьму за то, чего та не совершала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.